

**В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В защиту М.Б. Ходорковского - защитника:

В.В.Клювганта
(МГКА «Де-Юре»)

В защиту П.Л.Лебедева - защитников:

В.Н.Краснова
(КА «Гауф и партнёры»)

А.Е.Мирошниченко
(филиал № 37 Московской областной коллегии адвокатов)

ЖАЛОБА

Приговором Хамовнического районного суда г. Москвы от 27.12.2010 (далее обжалуемый приговор) М.Б.Ходорковский и П.Л.Лебедев осуждены по п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 160 УК РФ (в редакции Федерального закона № 63-ФЗ от 13.06.1996) к 8 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 174-1 УК РФ (в редакции Федерального закона № 60-ФЗ от 07.04.2010) к 9 годам лишения свободы. В соответствии с ч.ч. 3, 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний им назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет 6 месяцев, частично присоединён неотбытый по предыдущему приговору срок наказания, окончательно к отбытию определено 14 лет лишения свободы каждому. **Определением Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда 24.05.2011 (далее обжалуемое определение)** указанный приговор изменён лишь в части снижения вменённых объёмов якобы «похищенного» и «легализованного», применёна новая редакция норм Особенной части УК РФ, а также незначительно (на 1 год) снижен назначенный срок лишения свободы. В остальной части обжалуемый приговор оставлен без изменения, а кассационные жалобы стороны защиты, в которых была обоснована необходимость прекращения дела в связи с отсутствием состава преступления и заведомо ложным характером обвинения – без удовлетворения. **Постановлением Председателя Верховного Суда РФ от 24.07.2012** отменено постановление судьи Верховного Суда РФ от **15.05.2012** об отказе в удовлетворении надзорной жалобы защиты, возбуждено надзорное производство и направлено для рассмотрения в президиум Московского городского суда. **Постановлением президиума Московского городского суда от 20.12.2012 (далее обжалуемое постановление) обжалуемые приговор и определение изменены:** срок наказания Ходорковскому и Лебедеву снижен до 11 лет лишения свободы в связи с изменениями уголовного закона, улучшающими положение осуждённых. Кроме того, из обвинения по указанной статье исключены суммы: в отношении Ходорковского – 2 838 201 668 рублей, в отношении Лебедева - 2 790 938 758 рублей как излишне вменённые. В остальной части **обжалуемые судебные решения** оставлены без изменения.

Настоящая жалоба, как и предыдущая – от 24.02.2012, подаётся защитой М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева совместно, в защиту каждого из них, поскольку сторона защиты считает необходимым и важным изложить Верховному Суду РФ свою единую принципиальную позицию по настоящему делу. Подача совместной жалобы в интересах двух лиц, осуждённых одним приговором по идентичным обвинениям к одинаковому наказанию, при отсутствии каких-либо противоречий между ними, не запрещена законом, следовательно,

является допустимым способом защиты (п. 11 ч. 1 ст. 53, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). По нашему мнению, именно этот способ защиты является наиболее эффективным при обращении в Верховный Суд РФ по данному делу. Подача же отдельных жалоб привела бы к необоснованному дроблению этой принципиальной позиции, не говоря уже о необоснованном дублировании аналогичных по содержанию судебных производств.

Как **обжалуемый приговор**, так и последующие **обжалуемые судебные акты** кассационной и надзорной инстанций, являются **неправосудными**, вынесены с многочисленными нарушениями закона и подлежат отмене с прекращением дела. Они представляют собой попытку судебных органов, под прикрытием предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры судопроизводства, легализовать заведомо ложные и изначально несостоятельные обвинения, предъявленные нашим подзащитным на досудебной стадии. По обоснованному убеждению стороны защиты, единственной целью вынесения **обжалуемых судебных актов** является создание формальных оснований для дальнейшего содержания М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева в условиях лишения свободы и искусственного поддержания их негативной репутации.

Неустранимые пороки **обжалуемого приговора**, влекущие его безусловную отмену, не получили должной оценки вышестоящих инстанций Московского городского суда, многие из этих пороков попросту (и, разумеется, не случайно) «не были замечены» этими инстанциями. Они фактически уклонились от выполнения своих обязанностей по проверке законности и обоснованности **обжалуемого приговора**. Их деятельность, имеющая все признаки круговой поруки, по сути свелась к тиражированию заведомо ложной, фактически и юридически несостоятельной позиции органа предварительного следствия, отражённой в обвинительном заключении, а также к пересказу фрагментов **обжалуемого приговора** под видом его оценки и недопустимому домысливанию за подписавшего этот приговор судью Данилкина.

Таким образом, при рассмотрении жалоб защиты по настоящему делу вышестоящие суды беспринципно и вопреки требованиям закона покрывали нижестоящие. Они открыто, но тщетно и бездарно, пытались в своих решениях выгородить нижестоящих коллег, при этом всё более запутываясь в нагромождениях лжи, нелепиц, противоречий, подтасовок и фальсификаций. Однако, несмотря на все эти усилия, достойные лучшего применения, ни один довод стороны защиты по существу не опровергнут. В результате заведомо ложный и абсурдный характер обвинений, предъявленных нашим подзащитным, стал ещё более очевиден, о чём подробно сказано ниже.

Очевидно, что суды всех предыдущих инстанций выполняли единую задачу **неправосудной расправы с заведомо невиновными**, и именно этим объясняется круговая порука между ними. В связи с этим незаконные действия и **обжалуемые судебные акты** первой и кассационной инстанции в настоящей жалобе будут проанализированы и оценены в совокупности, в отношении каждого допущенного нарушения. Без ущерба для такого подхода, анализу **обжалуемого постановления**, в силу его особого значения и некоторых особенностей, посвящён также заключительный раздел 8 настоящей жалобы.

1. Отсутствие основания уголовной ответственности.

Применение уголовного закона, не подлежавшего применению.

Основным пороком **обжалуемого приговора**, который безуспешно пытались «не заметить» и скрыть суды последующих инстанций, является отсутствие в его тексте, вопреки требованиям ст.ст. 8 и 14 УК РФ, ст. 7 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, описания каких-либо деяний, содержащих признаки состава преступлений,

¹ Статья 7 (часть 1) Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «*Никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния или за бездействие, которое согласно*

предусмотренных УК РФ. Иными словами, по делу попросту отсутствует основание уголовной ответственности. То, что в приговоре и судебных актах последующих инстанций ложно выдаётся за изложение «установленных судом» преступных деяний, на самом деле является описанием не конкретных действий физических лиц – обвиняемых по делу, как это предусмотрено законом, а неким вольным изложением фактов и обстоятельств обычной, правомерной хозяйственной деятельности и корпоративной практики группы юридических лиц - вертикально-интегрированной нефтяной Компании ЮКОС (далее **ВИНК ЮКОС**). В целях придания им видимости криминального характера, это описание обильно сопровождается невежественными, с точки зрения как права, так и экономики, и даже просто здравого смысла, нелепыми, абсурдными и взаимоисключающими суждениями, утверждениями, выводами, а также звучными, но не несущими смысловой нагрузки, ярлыками с негативной эмоциональной окраской.

Поскольку обвинение по делу подменено инсинуациями и отсутствует, как фактически, так и юридически, при **оценке обжалуемого приговора** не является основополагающим вопрос о доказанности такого обвинения. Анализ и обоснованная критика защитой приведённых судом так называемых «доказательств вины» не меняют главного порока **обжалуемого приговора** в силу того, что невозможно добросовестно доказывать то, чего нет. В данном случае имеется в виду изначально и заведомо отсутствующее преступление, а следовательно - и основание уголовной ответственности.

Пытаясь прикрыть заведомо ложный характер обвинения и создать видимость его обоснованности, суд первой инстанции, вопреки прямому указанию Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости подобного подхода², загромоздил **обжалуемый приговор** обильным описанием обстоятельств, доводов и выводов (как ложных, так и достоверных), которые могут иметь отношение к чему угодно, только не к предусмотренным уголовным законом обязательным признакам инкриминируемых преступлений. Так, **обжалуемый приговор** содержит видимость некоего «анализа» различных аспектов деятельности ВИНК ЮКОС: внутрикорпоративных отношений и решений, управленческой модели, экономической эффективности, ценообразования, соблюдения прав акционеров и ряда других. Но, независимо от степени соответствия этого «анализа» объективной реальности, он заведомо не может иметь отношения к уголовно-правовой оценке инкриминируемых деяний и, как следствие, к надлежащему предмету доказывания. На данное обстоятельство сторона защиты многократно обращала внимание судов всех инстанций, которые, однако, не удосужились должным образом отреагировать на это в **обжалуемых судебных актах**.

Основания, по которым сторона защиты настаивает на отмене **обжалуемого приговора** и последующих **обжалуемых судебных актов**, подробно изложены в предыдущих жалобах по делу, копии которых приобщены к настоящей жалобе. Вновь ставя перед Верховным Судом РФ вопрос об отмене **обжалуемого приговора** и последующих **обжалуемых судебных актов**, сторона защиты придерживается тех же доводов, поскольку ни один из них не был доказательно опровергнут какой - либо судебной инстанцией.

Обвинение по ст. 160 УК РФ, как оно сформулировано и описано в **обжалуемом приговоре**, не содержит в себе ни одного обязательного признака хищения, предусмотренного уголовным законом.

Как упомянуто выше, основополагающим, принципиальным и неопровержимо доказанным доводом защиты на всем протяжении судебного разбирательства по делу является утверждение об **искусственной, заведомо незаконной криминализации** стороной обвинения, а вслед за ней - и **судом, обычной хозяйственной деятельности ВИНК ЮКОС**. В связи с этим в описании инкриминируемых деяний отсутствуют как общие обязательные признаки хищения,

действовавшему в момент его совершения национальному или международному праву не являлось уголовным преступлением». Обжалуемый приговор вынесен с прямым нарушением этого запрета.

² П. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 №1 «О судебном приговоре».

предусмотренные примечанием 1 к ст. 158 УК РФ, так и обязательные признаки хищения в виде присвоения вверенного имущества, предусмотренные ст. 160 УК РФ.

1.1.

Отсутствие такого признака хищения, как **противоправное завладение чужим имуществом**, подтверждается тем, что нефть, которую суд в **обжалуемом приговоре** признал якобы «похищенной» у «потерпевших - дочерних добывающих обществ ОАО «НК «ЮКОС», на самом деле была ими продана, и это также признано судом. Данный факт, многократно подтверждённый и **обжалуемым приговором**, и другими решениями различных судов³, неопровержимо свидетельствует о том, что имел место переход права собственности на произведённую «потерпевшими» продукцию (нефть) на основании действительных договоров. Эти договоры были заключены и исполнены по воле собственников продукции (они же, согласно **обжалуемому приговору**, «потерпевшие»), выраженной в установленном порядке через их надлежащим образом сформированные, уполномоченные органы управления. Данное утверждение обосновывается следующим.

Из содержания **обжалуемого приговора** следует, что наши подзащитные якобы сначала незаконно установили контроль над ОАО «НК «ЮКОС» (хотя такого обвинения им никогда не предъявлялось, и оно было бы заведомо несовместимо с обвинением в присвоении, о чём будет сказано ниже). После этого, как далее ложно утверждается в **обжалуемом приговоре**, они (Ходорковский и Лебедев) «завладели 100% акций дочерних добывающих обществ ОАО «НК «ЮКОС» и «лишили» их неких «истинных» и «легитимных» органов управления, «вопреки их интересам навязали» им заключение якобы противоправных договоров о передаче полномочий исполнительных органов управляющим компаниям и генеральных соглашений об условиях реализации нефти. В дальнейшем они «принудили» «потерпевших», якобы вопреки неким «собственным интересам» последних, продавать всю нефть по неким «заниженным» и «невыгодным», по сравнению с «мировыми рыночными», ценам⁴.

Домыслы суда о каких-то, якобы противоправных, манипуляциях с волей «потерпевших» не только надуманы и несостоятельны, но и абсурдны по следующим основаниям. Формирование воли юридического лица - акционерного общества принципиально отличается от её формирования у физического лица, поскольку не включает в себя психофизическую составляющую. Этот процесс имеет формальный характер (т.е. регламентирован соответствующими правовыми нормами - ГК РФ, ФЗ «Об акционерных обществах» - далее **ФЗ «Об АО»**) и в своей основе содержит тот факт, что само общество является объектом корпоративного управления. Воля акционерного общества формируется именно его акционерами, а выражается (реализуется) только через органы управления общества⁵. При этом, если полномочия исполнительного органа переданы управляющей организации (а такая возможность прямо предусмотрена п. 3 ст. 103 ГК РФ, ч. 1 ст. 69 ФЗ «Об АО»), то именно эта организация, и только она, является его законным исполнительным органом. Никаких других исполнительных органов у такого общества нет и быть не может.

Для того, чтобы установить, было ли совершено распоряжение имуществом акционерного общества по его воле или вопреки ей, необходимо, прежде всего, установить, соответствовали ли закону порядок и условия формирования воли акционерного общества в конкретной сделке. Однако, даже если порядок или условия формирования воли акционерного общества в конкретной сделке не были соблюдены или были соблюдены не полностью, одного этого обстоятельства недостаточно для утверждения о противоправном, тем более - преступном распоряжении имуществом. Такие сделки в силу закона являются оспоримыми, а не ничтожными. Они могут быть признаны арбитражным судом недействительными (то есть не влекущими правовых последствий) лишь по искам заинтересованных лиц, прямо указанных в законе (само

³ О судебных решениях других судов см. раздел 3 настоящей жалобы

⁴ См., напр., стр.3-13, 178, 618, 648 **обжалуемого приговора**.

⁵ См., напр., ст.ст. 67, 103, 105, 106 ГК РФ, ст. 31, нормы глав VII, VIII, XI **ФЗ «Об АО»**.

акционерное общество или его акционеры), и только при условии причинения вреда интересам истца, а не просто в силу нарушения процедуры принятия решения⁶.

Из изложенного следует, что сделка по распоряжению имуществом акционерного общества может считаться совершенной вопреки воле акционерного общества лишь в том случае, если эта сделка была признана недействительной полномочным судом в установленном законом порядке, причём именно в связи с выявленными пороками формирования воли акционерного общества на ее совершение, повлекшими причинение вреда интересам истца. Таких сведений в **обжалуемом приговоре** не содержится, и их отсутствие - не упущение судьей, а неизбежное следствие того, что материалами дела несостоятельные выводы суда о наличии пороков воли «потерпевших» при реализации ими нефти полностью опровергнуты. Ни одна сделка, связанная с реализацией нефти, не была признана судом недействительной. Более того, в самом **обжалуемом приговоре** содержатся (и неоднократно повторяются, что исключает случайность) выводы о том, что потерпевшие самостоятельно поставляли нефть конечным потребителям⁷.

Не соответствует ни закону, ни действительности утверждение в **обжалуемом приговоре** о том, что имевшая место передача полномочий исполнительного органа управляющим организациям была якобы противоправной. Это же касается и нелепых выводов о том, что наши подзащитные якобы «лишили» руководителей нефтедобывающих акционерных обществ их полномочий.⁸ *Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы* (п. 1 ст. 53 ГК РФ). Иными словами, «само по себе», помимо своих органов, приобретать гражданские права и принимать гражданские обязанности общество не может не только юридически, но и фактически. При этом в каждый момент времени у общества может быть только один единоличный исполнительный орган. Таким образом, руководитель (исполнительный орган) акционерного общества становится и является таковым не сам по себе, а исключительно в силу наделения его соответствующими полномочиями акционерами в установленном порядке. И поскольку акционеры в установленном порядке наделили именно управляющие организации полномочиями исполнительного органа дочерних добывающих обществ ВИНК ЮКОС, то никаких иных руководителей (исполнительных органов) у этих обществ не было и не могло быть.

Обжалуемый приговор не содержит какого-либо обоснования голословного утверждения о том, что передача дочерними добывающими обществами ОАО «НК «ЮКОС», на основании решений уполномоченных органов управления, полномочий исполнительного органа управляющим организациям была незаконной, и не разъясняет, в чём именно эта незаконность заключалась. Не содержит он и опровержения доводов защиты о том, что такая передача произошла в полном соответствии с требованиями законодательства и представляла собой не что иное, как распространённую форму управления бизнесом в вертикально-интегрированных компаниях. Прекращение в установленном порядке полномочий одного конкретного лица (генерального директора или управляющей компании) в качестве единоличного исполнительного органа акционерного общества и наделение этими полномочиями другого лица не может расцениваться как незаконное «лишение полномочий». Данный вопрос многократно рассматривался и однозначно решён в судебной практике, он является бесспорным⁹. На это

⁶Ст.ст. 81, 84 **ФЗ «Об АО»**.

⁷Стр. 12, 13, 27, 35, 655 и др. **обжалуемого приговора**.

⁸Стр.4-5, 147 **обжалуемого приговора**.

⁹ См., напр., Пост. Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.06.2010 №18170/09: "...действия управляющей организации в качестве органа юридического лица являются действиями самого юридического лица. Полномочия управляющей организации в этом случае определяются нормами действующего законодательства и договором о передаче полномочий исполнительного органа. ... Содержащееся в настоящем постановлении ... толкование правовых норм является общеобязательным и подлежит применению при рассмотрении арбитражными судами аналогичных дел».

указывал и Конституционный суд РФ.¹⁰ Поэтому попытка «обосновать» в **обжалуемом приговоре** ложные выводы многократным упоминанием о некой «самостоятельности» дочерних предприятий, которой они якобы были «незаконно лишены», является демагогической уловкой, подменой проанализированных выше правовых понятий и правил. Иными словами - игнорированием существа гражданско-правовых отношений между дочерней и основной компаниями¹¹.

Во взаимосвязи с вопросами формирования воли дочернего акционерного общества находятся вопросы определения его интересов, которым должна соответствовать деятельность органов управления общества (ст. 71 ФЗ «Об АО»). Интересы акционерного общества, как и его воля, возникают и существуют не сами по себе, а определяются его акционерами. Общество не может иметь каких-то «собственных» законных интересов, отличных от тех, которые определяют его акционеры. Утверждение в **обжалуемом приговоре** об обратном является невежественным, злонамеренным и ложным. Оно противоречит закону и общеобязательной правовой позиции Конституционного Суда РФ¹², согласно которым акционеры создают акционерные общества для более эффективного осуществления своих прав. А поскольку цель всякого права – это защита интересов его обладателя, то единственным интересом акционерного общества является интерес его акционеров. Никаких иных интересов у акционерного общества не может быть в силу самой его природы.

Суд общей юрисдикции при рассмотрении уголовного дела не вправе оценивать интерес акционерного общества, тем более - исходя лишь из собственных представлений о нём. Такой подход является грубейшим нарушением требований п. 2 ст. 1 ГК РФ: *«граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе»*, а также порядка и правил подведомственности рассмотрения споров, возникающих при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (ст.ст. 1, 2, 27, 28 АПК РФ). Мало того, такой подход откровенно антиконституционен (ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35, ст. 47 Конституции РФ).

Таким образом, **надлежащие формирование и выражение воли акционерного общества и соблюдение его интересов являются критериями (первый – формальным, второй – сущностным) законности решений и сделок по распоряжению имуществом акционерного общества. При этом никакие формальные нарушения порядка формирования и выражения воли акционерного общества на совершение конкретной сделки сами по себе не свидетельствуют о преступном завладении имуществом. Суд при разрешении уголовного дела не вправе признать такую сделку недействительной (в том числе, противоправной) и ни в коем случае не вправе определить интерес акционерного общества без учёта мнения акционеров, тем более – вопреки ему. А значит, суд в приговоре не вправе по своему усмотрению утверждать, что та или иная сделка по распоряжению имуществом акционерного общества, не признанная в**

¹⁰ Постановление КС РФ от 15.03.2005 №3-П: *«...закрепление в пункте 2 статьи 278 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаце втором пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" правомочия собственника расторгнуть трудовой договор с руководителем организации, который осуществляет управление его имуществом, не обосновывая при этом необходимость принятия такого решения, направлено на реализацию и защиту прав собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, в том числе определять способы управления им единолично или совместно с другими лицами, свободно использовать свое имущество для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, т.е. установлено законодателем в конституционно значимых целях».*

¹¹ См., напр., ст. 105 ГК РФ.

¹² См. Определение КС РФ от 02.03.2000 №38-О: *«...акционерные общества по своей сути являются объединениями - юридическими лицами, которые созданы гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1, Конституции Российской Федерации) и право иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, часть 2, Конституции Российской Федерации)».*

установленном законом порядке недействительной по соответствующему основанию, не соответствует интересам последнего.

Несостоятельными и заведомо ложными являются попытки суда утверждать об обмане и введении в заблуждение руководителей «потерпевших», как о способе (или элементе способа) совершения «преступления»¹³. Эти утверждения, помимо того, что они голословны, находятся в неразрешимом противоречии с другими утверждениями, содержащимися в **обжалуемом приговоре**, а именно:

- о том, что те же руководители «потерпевших» действовали не в интересах последних, а в интересах Ходорковского, Лебедева и неких членов «организованной группы, вступив с ними в «злонамеренное соглашение»¹⁴. Очевидно, что нельзя вступить в злонамеренное соглашение, будучи одновременно обманутым, – возможно что-то одно, но и это «одно» требует доказывания;

- о том, что совершению «преступления» предшествовал переход ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерних обществ под полный контроль членов «организованной группы»¹⁵. В частности, о том, что наши подзащитные, «являясь основными акционерами ОАО «НК «ЮКОС», добились передачи полномочий распоряжения нефтью его дочерних добывающих обществ подконтрольному им ЗАО «ЮКОС ЭП», руководители которого, используя свое служебное положение и выполняя отведенную им в организованной группе роль, совершили присвоение вверенной им нефти»¹⁶. Очевидно, что нет никакой необходимости и никакого смысла обманывать полностью подконтрольных лиц (равно как и подкупать их, и вступать с ними в какие-либо соглашения).

В **обжалуемом приговоре** отсутствует какое-либо обоснование «вывода» о том, что наши подзащитные якобы присваивали добытую «потерпевшими» нефть как чужое имущество, на завладение которым они не имели права. Мало того, в **обжалуемом приговоре** содержатся утверждения, прямо исключающие возможность такого вывода: собственником нефти, приобретённой у «потерпевших» на основании договоров, судом признана компания ЮКОС, либо непосредственно, либо в лице подконтрольных торговых компаний¹⁷. Но если собственником этой нефти вначале были «потерпевшие», а потом стал ЮКОС, значит, никто иной ею не завладевал незаконно и помимо воли собственника, иными словами – не похищал.

Обоснование наличия в действиях наших подзащитных признака завладения чужим имуществом подменено в **обжалуемом приговоре** манипулированием юридически ничтожными и бессмысленными определениями: совершаемых сделок с этим «предметом хищения» - как **«фиктивных»**, договоров купли-продажи нефти - как **«подложных»**, перехода права собственности на нефть на основании этих договоров, в ряде случаев и самого права собственности - как **«фиктивного»** или **«искусственного»**, фирм-трейдеров - как **«подставных»**. Эти бессмысленные определения, многократно повторяясь, буквально рассыпаны по тексту **обжалуемого приговора**. Так, определение «фиктивный» употреблено в нём **179 раз**¹⁸, «подставной» - **203 раза**¹⁹, «подложный» - **46 раз**²⁰, а «искусственный» - **44 раза**²¹. При этом «фиктивным» в **обжалуемом приговоре** объявляется практически всё, что попало его авторам под руку: реализация и сбыт, сделки и договоры, аукционы и торги, покупатели нефти,

¹³ См. стр.9, 16, 663, 681 **обжалуемого приговора**.

¹⁴ См. стр. 21, 33, 35 **обжалуемого приговора**.

¹⁵ См. стр.3-5 **обжалуемого приговора**.

¹⁶ См. стр. 684 **обжалуемого приговора**.

¹⁷ См. стр. 8, 44, 190, 432, 616, 617, 652, 660, 684 – 686 и др. **обжалуемого приговора**

¹⁸ См. стр. 8, 12-15, 17, 21, 22, 25-27, 29, 30, 34-42, 44-55, 57-64, 66-72, 74, 75, 77, 78, 82, 85-89, 92, 97-99, 106, 108, 111-115, 119, 120, 125, 204, 227, 250, 255, 256, 275, 277, 298, 299, 319, 321, 328, 502, 513, 515, 517, 592, 593, 596, 597, 605-607, 654, 655, 684 **обжалуемого приговора**.

¹⁹ См. стр. 7, 8, 21-25, 29, 33-35, 37-42, 44, 46-48, 50-55, 57-64, 67-71, 74-78, 82, 85-87, 105-108, 110-113, 115, 117, 120, 125, 137, 231, 246, 250, 254-257, 269, 271, 277, 284, 298, 299, 308, 310-311, 320, 439, 441, 443, 445, 457, 472, 503, 517, 518, 553, 592, 593, 603, 651, 679, 680, 685 **обжалуемого приговора**.

²⁰ См. стр. 7, 8, 13, 21, 33, 36, 37, 44, 45, 48, 50, 53-55, 57, 59, 64, 75, 77, 78, 80, 82, 86, 88, 106-109, 111, 122, 179, 181, 269, 291, 511, 655, 663, 671 **обжалуемого приговора**.

²¹ См. стр. 25, 29, 34, 36-39, 41, 44, 46 -48, 50, 52-54, 59, 60, 63, 64, 67, 94, 108, 170,174, 246, 276, 297, 323, 327, 370, 403, 406, 479, 541, 589 **обжалуемого приговора**.

собственники, право собственности и его переход, предприятия и организации, оформление документов, протоколы, зачисление на баланс и задолженность. В итоге не обошлось без взаимоисключающих утверждений: например, «фиктивным» в **обжалуемом приговоре** объявлено в одних случаях **само** право собственности²², а в других - **оформление или переход** этого права²³.

Подобное жонглирование эпитетами с негативной окраской является ничем иным, как попыткой прикрыть заведомое отсутствие преступления и обвинения, соответствующего фактам и требованиям закона, попыткой подменить достоверные и обоснованные суждения некой претензией на «остроту повествования». Такие недобросовестные уловки получили негативную оценку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 (в редакции от 06.02.2007) №1 «О судебном приговоре», п. 22 которого требует не загромождать приговор данными, не имеющими отношения к существу дела, а также неточными формулировками, неприемлемыми и неприемлемыми в официальных документах словами, не разъяснёнными терминами и понятиями.

Пытаясь «обосновать» в **обжалуемом приговоре** некий «фиктивный» характер сделок, суд утверждает: соответствующие договоры включали в себя «заведомо ложные» сведения о том, что покупателями нефти выступали либо само ОАО «НК «ЮКОС», либо подконтрольные ему трейдеры, хотя «на самом деле» данные фирмы якобы «*фактическими покупателями нефти не являются, а продукция нефтедобывающими предприятиями самостоятельно отгружается непосредственно российским и зарубежным покупателям*»²⁴.

Прежде всего, этот «вывод» суда означает не что иное, как признание им всё того же очевидного факта: нефть никогда не изымалась у «потерпевших» помимо их воли и не обращалась в пользу осуждённых и иных членов «организованной группы», напротив - она поставлялась непосредственно «потерпевшими» (причём по их воле) конечным покупателям.

Кроме того, констатируя в **обжалуемом приговоре** тот факт, что покупатели нефти не имели собственных производственных и складских мощностей, суд на этом «основании» «пришёл к выводу» о «фиктивном» и «подставном» характере этих покупателей, заключив, что они якобы не вели никакой «реальной деятельности»²⁵, но не пояснив при этом, какую именно деятельность он считает «реальной» и почему.

Данное недобросовестное и заведомо ложное утверждение суда фактически является псевдоюридической околесицей, подразумевающей, что исполнение договоров купли-продажи (поставки) нефти якобы должно обязательно сопровождаться её переливом в ёмкости или транспорт, которыми должен владеть непременно покупатель. Судом при этом напрочь игнорируется такая реальность, как само существование торгово-закупочной деятельности - самостоятельного вида бизнеса, отличного от производства, хранения, транспортировки и других.

Действующему законодательству неизвестно используемое обвинением и судом бессодержательное понятие «фиктивные сделки». Само слово «фиктивный» (от лат. «fictio» - видимость, обман) в русском языке обозначает нечто, не существующее в действительности. В УК РФ используется лишь термин «фиктивное банкротство» (ст. 197), не имеющий никакого отношения к обстоятельствам настоящего дела, а ГК РФ вообще не использует данный термин и производные от него.

Таким образом, используя юридически ничтожную терминологию, **обжалуемый приговор** создает исключительно эмоциональное ощущение «плохих» сделок купли-продажи добытой «потерпевшими» нефти. Однако на юридическую квалификацию деяний такие характеристики никак не могут повлиять.

С другой стороны, если встать на позицию «фиктивности» сделок с нефтью, т.е. признать, что в действительности они не совершались, но при этом нефть поставлена напрямую конечным покупателям самими «потерпевшими», то это неминуемо означает признание того

²² См. стр. 29, 34, 37, 44, 46, 255 **обжалуемого приговора**.

²³ См. стр. 37, 255 **обжалуемого приговора**.

²⁴ См. стр. 12, 13, 27, 35, 655 и др. **обжалуемого приговора**.

²⁵ См. стр. 53, 173 **обжалуемого приговора**.

факта, что нефть никогда не обращалась ни в пользу ЮКОСа, ни (главное) в пользу наших подзащитных и мифической «организованной группы».

Очевидно, что при таких установленных судом в *обжалуемом приговоре* обстоятельствах никакого изъятия и/или обращения нефти в отсутствие права на имущество, против воли «потерпевших» не было и быть не могло, а значит – не было и хищения. Каких-либо сведений, свидетельствующих об обратном, в *обжалуемом приговоре* (в том числе при описании деяния, признанного установленным и преступным) не содержится.

Утверждения в приговоре о содержащихся в договорах якобы ложных сведениях также противоречат закону и фактам. Ст. 431 ГК РФ устанавливает: «При толковании условий договора судом принимается во внимание **буквальное значение** содержащихся в нем слов и выражений». Соответствующие договоры в части обозначения покупателей нефти не содержат и не подразумевают никакого иного значения, кроме указанных в них сторон. Таким образом, суд, вопреки закону и превысив свои полномочия, допустил в *обжалуемом приговоре* произвольное, причём заведомо ложное, толкование содержания и условий договоров. Кроме того, договоры были не только составлены в таком буквальном значении, но и в соответствии с ним исполнены, при этом фактические отношения между сторонами полностью соответствовали условиям договоров. Фактическое исполнение договоров заключалась в том, что **продавец передал покупателю право собственности на товар (нефть) и отгрузил его в соответствии с условиями договора, а покупатель уплатил продавцу установленную соглашением сторон цену**. Согласно п. 1 ст. 454, ст. 506 ГК РФ покупателем является лицо, которое по договору купли-продажи (поставки) обязуется принять товар **в собственность (а вовсе не обязательно получить физически)** и уплатить за него определенную денежную сумму. Никаких иных лиц закон покупателями не признаёт, даже если они в результате последующих сделок получили имущество, являвшееся предметом первоначального договора. **Физическая передача товара именно покупателю не является обязательным условием договора купли-продажи (поставки)**. Более того, закон прямо предусматривает возможность несовпадения покупателя и получателя товара, если стороны договора купли-продажи (поставки) об этом договорились (ст.ст. 458, 509 ГК РФ). Поэтому, в соответствии с законом, в сделках по приобретению у «потерпевших» добытой ими нефти как самим ОАО «НК «ЮКОС», так и его трейдерами, именно последние и являлись законными и реальными покупателями.

Не основаны на законе и юридически бессодержательны утверждения суда о том, что на основании договоров купли-продажи (поставки) продукции дочерних добывающих предприятий ЮКОСа покупатели приобретали некое **«фиктивное право собственности»** на нефть, которое приобреталось ими якобы путем **«фиктивного перехода»** к ним или **«фиктивного/искусственного перевода** на них». При этом суд, по причине заведомой ложности и несостоятельности обвинений, был не в состоянии раскрыть в *обжалуемом приговоре*, в чем состояла эта самая «фиктивность» упомянутых им непонятных действий. К тому же ни исполнить, ни передать то, что, по мнению суда, фиктивно (т.е. не существует в действительности), - невозможно.

П. 1 ст. 209 ГК РФ, определяя содержание права собственности, устанавливает: **«Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом»**. Все фигурирующие в приговоре покупатели **в полной мере обладали полномочиями собственников и реализовали их**, включая распоряжение имуществом (дальнейшую продажу купленной у «потерпевших» нефти). Факт распоряжения ими указанным имуществом **обжалуемым приговором** признан²⁶.

Право собственности на имущество, которое имеет собственника, может быть приобретено другим лицом на основании договора купли-продажи, мены, дарения или иной сделки об отчуждении этого имущества (п. 2 ст. 218 ГК РФ). Именно по этому основанию – сделкам купли-продажи (поставки), в полном соответствии с законом, а не путём придуманного «фиктивного перехода» «фиктивного права собственности» к «фиктивным («подставным») покупателям», покупатели и приобретали нефть у дочерних добывающих предприятий ЮКОСа,

²⁶ См. стр. 652, 660 *обжалуемого приговора*.

тем самым законно становясь её собственниками. Собственник вправе по своему усмотрению отчуждать свое имущество в собственность другим лицам (п. 2 ст. 209 ГК РФ). Именно эти правомочия и осуществили покупатели нефти у «потерпевших», продавая её далее.

Таким образом, суд первой инстанции, пытаясь проигнорировать бесспорно установленный факт перехода на законных основаниях - по договору, права собственности на нефть от «потерпевших» к покупателям, использовал надуманные и бессодержательные определения «фиктивное право собственности», «фиктивный переход (перевод) права собственности». Это потребовалось суду исключительно для того, чтобы создать иллюзию, будто покупатели нефти у «потерпевших» не являются законными приобретателями и собственниками, а наши подзащитные, которые, по мнению суда, в личном качестве контролировали этих покупателей, завладели нефтью как чужим имуществом, не имея на это права, т.е. якобы совершили её хищение. **Манипулируя термином «фиктивность», суд пытался выполнить противоправную задачу: объявить собственника неким «инструментом похитителя», а приобретение нефти в собственность по установленным законом основаниям – противоправным её обращением «третьими лицами» (обвиняемыми) в свою пользу в процессе хищения. Однако с помощью такой уловки суд не только ничего не доказал (и не мог доказать) в обвинении, но и погряз гарантированное и охраняемое Конституцией РФ право собственности. Никаких иных сведений и доводов, подтверждающих завладение нашими подзащитными чужим имуществом в отсутствие права на него, в *обжалуемом приговоре*, в том числе и при описании деяния, признанного установленным и преступным, не приведено.**

Аналогичным образом судом используется в *обжалуемом приговоре* и не разъяснённый им термин «подставной». Он употребляется в данном деле исключительно для создания того же негативного эмоционального эффекта, вкупе с неким намёком, что купля с целью дальнейшей перепродажи якобы является действием незаконным, и вместо «подставных» покупать нефть у добывающих предприятий обязательно должны некие, не названные судом и оставшиеся неизвестными, «истинные» покупатели. Однако общеизвестно, что в условиях рыночной экономики торгово-посредническая деятельность является таким же законным, полезным и необходимым видом предпринимательской деятельности, как и любая другая, включая производственную.

При этом защитой была представлена суду, но проигнорирована им, а вслед за ним - и последующими судебными инстанциями, общеобязательная правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении по жалобе М.Б. Ходорковского именно в связи с настоящим делом и состоящая в следующем: «...По смыслу приведенных законоположений (Примечание 1 к ст. 158 и ст. 160 УК РФ – прим. авт.), ответственность вводится лишь за такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на хищение имущества. При этом ...не предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки: из статьи 8 УК Российской Федерации, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом, следует, что при квалификации деяния, в том числе при квалификации тех или иных действий в соответствии со статьей 160 УК Российской Федерации, необходимо установление как субъективных, так и объективных признаков состава данного преступления...»²⁷.

1.2.

²⁷ См. Определение КС РФ от 02.07.2009 №1037-О-О

Указывая на отсутствие в обвинении таких обязательных признаков хищения, как **безвозмездность и причинение ущерба потерпевшему**, сторона защиты также обращала особое внимание судов всех инстанций на то обстоятельство, что ущерб от хищения должен быть не любым, а исключительно реальным (прямым) - в размере фактической стоимости похищенного, на которую уменьшается объем наличного имущества потерпевшего. Этот подход является бесспорным и в уголовно-правовой доктрине, и в судебной практике.

Так, в п. 25 постановления Пленума ВС РФ №51 от 27.12.2007 указано: *«Определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления»*. Фактическая стоимость продукции определяется для производителя по фактическим затратам на её изготовление²⁸. Применительно к настоящему делу фактическая стоимость нефти для её производителя – это сумма затрат на добычу и подготовку нефти (доведение до качества ГОСТа 9965-76 и/или ТУ 39-1623-93).

Ущерб в виде неполученных доходов (упущенная выгода), вне зависимости от его характера и размера, исключает уголовную ответственность за хищение. Неслучайно п. 16 того же постановления Пленума ВС РФ №51 содержит следующее предписание для разграничения хищения от иных преступлений против собственности: *«...суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб, либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота»*.

В **обжалуемом приговоре** отсутствуют какие бы то ни было сведения о причинении «потерпевшим» реального ущерба. Соответственно, не содержится в нём и никаких обоснований причинения такого ущерба. Более того, многочисленными доказательствами, представленными как стороной обвинения, так и стороной защиты, было установлено, что такой ущерб и не мог быть причинён при обстоятельствах, установленных по делу и описанных в приговоре. «Потерпевшие» - дочерние добывающие общества ОАО «НК «ЮКОС» - получили в качестве оплаты по договорам купли-продажи (поставки) за добытую и подготовленную ими нефть денежные средства в размере, всегда превышавшим её фактическую стоимость. Иными словами, они имели выручку от реализации нефти в размере, который обеспечивал им не только полное возмещение затрат (фактической стоимости), но и прибыль. Эти факты были подтверждены, помимо других доказательств, письменными справками, представленными самими «потерпевшими»,²⁹ и суд в **обжалуемом приговоре** признал как получение выручки и прибыли каждым из них (ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «Томскнефть ВНК») от продажи добытой ими нефти, так и отсутствие недостачи нефти и/или денежных средств³⁰.

Единственно возможным и совершенно бесспорным выводом из этих признанных **обжалуемым приговором** фактов является категорический вывод об отсутствии реального ущерба. При наличии выручки и прибыли от реализации нефти, разумеется, не может идти речь о хищении той же нефти. Утверждение об обратном является ересью с точки зрения экономики, права и здравого смысла. Именно поэтому для создания видимости обоснованности заведомо ложного обвинения при постановлении **обжалуемого приговора** суд прибегнул к недобросовестной уловке, попытавшись выдать некую видимость «упущенной выгоды» за реальный ущерб. С этой целью, сравнив заведомо несопоставимые цены нефти на нефтепромыслах в РФ и на борту судна в Западной Европе, суд «пришёл» к заведомо ложному «выводу» о покупке нефти у дочерних добывающих обществ ОАО «НК «ЮКОС» по неким «заниженным» ценам. Это, по мнению суда, повлекло за собой недополучение «потерпевшими» добывающими обществами якобы причитающейся им части прибыли,

²⁸ См. п. 51 Приказа Минфина РФ от 10.02.2006 №25н «Об утверждении Инструкции по бюджетному учету»; ранее - п. 3 ПБУ 5\98 (утв. Приказом Министерства финансов РФ №25н от 15.06.1998), п. 7 ПБУ 5/01 (утв. Приказом Министерства финансов РФ №44н от 09.06.2001), п. 59 «Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ» (утв. Приказом Министерства финансов РФ №34н от 29.07.1998).

²⁹ См. дело т. 268 л.д. 103, 105, 107.

³⁰ См., напр., стр. 41, 652, 655, 674 **обжалуемого приговора**.

которую они якобы могли бы получить, продав самостоятельно нефть на экспорт в Западную Европу. Далее, фактически утверждая о наличии вымышленной «упущенной выгоды» (но не сделав попытки доказать даже её), суд сделал заведомо неадекватный и ложный «вывод» о том, что именно в этом и состоит реальный (прямой) ущерб и, следовательно, хищение(!).

Иными словами, суды всех инстанций, признав переход права собственности на добытую нефть путём её купли-продажи, признав получение «потерпевшими» выручки и прибыли от этой продажи, одновременно объявили всё это «хищением нефти», т.е. безвозмездным и противоправным её изъятием. Такой откровенно противоправной и противоречащей здравому смыслу позицией суды поддержали мошенническую по сути позицию «потерпевших», которые, получив прибыль в размере более 3 миллиардов долларов США, претендуют на чужие доходы, не понеся при этом никаких расходов и рисков.

Во избежание какой-либо двусмысленности считаем необходимым особо подчеркнуть, что дочерние нефтедобывающие общества ОАО «НК «ЮКОС», в действительности получившие многомиллиардную прибыль от реализации нефти (что неопровержимо свидетельствует о положительном экономическом результате совершённых ими сделок по её продаже), не понесли никакого ущерба: ни реального, ни измышленной судом упущенной выгоды в виде «недополученной прибыли». Однако, как уже было сказано, для разрешения уголовного дела о хищении имеет значение только реальный ущерб (прямые убытки), поскольку именно его причинение является обязательным признаком хищения.

Показательно, что допрошенные в судебном заседании в качестве свидетелей бывшие руководители дочерних добывающих обществ ОАО «НК «ЮКОС»: Анисимов («Самаранефтегаз»), Филимонов («Томскнефть» ВНК) и Гильманов («Юганскнефтегаз»), занимавшие эти должности именно в период совершения инкриминируемых деяний, прямо отрицали не только факты хищения нефти и причинения реального ущерба, но и наличие какой-либо упущенной выгоды³¹, однако суд с ними «не согласился», сославшись на их «неосведомлённость»(!).

Тем не менее, попытки описания признаков вымышленной судом «упущенной выгоды» вместо реального ущерба явно видны из всей фабулы обвинения, содержащейся в **обжалуемом приговоре**. Об этом, в частности, свидетельствуют говорящие сами за себя утверждения, что нефтедобывающие предприятия якобы «изначально ставились в экономически невыгодные для них условия», поскольку «лишались существенной части прибыли», которая «выводилась по заниженным ценам», «изымалась» и т.п.³²

Неоднократно, и каждый раз голословно, указывая в **обжалуемом приговоре** на «безвозмездность» завладения подсудимыми вверенной нефтью³³, суд «усмотрел» эту «безвозмездность» вовсе не в получении нефти «членами организованной группы» без встречного предоставления, т.е. даром, как это прямо предусмотрено ст. 423 ГК РФ. Он усмотрел «безвозмездность» в якобы «недостаточном» размере оплаты, полученной «потерпевшими» от ОАО «НК «ЮКОС» (а впоследствии и других компаний - нефтетрейдеров, подконтрольных последнему) за добытую и проданную по возмездным договорам купли-продажи (поставки) нефть. Иными словами, «безвозмездный» характер завладения нефтью выразился, согласно **обжалуемому приговору**, в том, что якобы похищенная нефть была заменена якобы «менее ценным» имуществом – суммой денег, не соответствующей «мировой рыночной цене» нефти (фактически биржевым котировкам URALS в Западной Европе). При этом суд сослался на п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 №51, где указано, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества. Со ссылкой на это разъяснение суд сделал противоправный, неадекватный и несостоятельный вывод о том, что «...стороной обвинения обоснованно рассчитан ущерб в соответствии с рыночными ценами, существовавшими на тот период, а именно котировками нефти на биржах...»³⁴.

³¹ См. протокол судебного заседания от 26.07.2010 г., 27.07.2010 г., 26.08.2010 г.

³² См., напр., стр. 10, 12, 47, 130, 548, 619 **обжалуемого приговора**.

³³ См., напр., стр. 124, 164, 165, 167, 189, 190, 604, 650, 651, 652, 681 **обжалуемого приговора**.

³⁴ См. стр. 685 **обжалуемого приговора**.

Однако, как уже упоминалось, п. 25 вышеуказанного Постановления содержит, прежде всего и в качестве общего правила, прямое требование определять стоимость похищенного имущества, исходя из его фактической стоимости, т.к. именно такой подход полностью соответствует смыслу и содержанию реального (прямого) ущерба. В случае если установить фактическую стоимость невозможно, Пленум предписывает определять её экспертным путём, однако такая экспертиза по делу также не проводилась.

Как указано выше, в судебном заседании бесспорно установлено, и не отрицается в *обжалуемом приговоре*³⁵, что цены, по которым нефть приобреталась у «потерпевших» по договорам купли-продажи (поставки), не только полностью покрывали фактическую стоимость (себестоимость) нефти, но и превышали её. Кроме того, установлено, что эти цены соответствовали ценам других аналогичных сделок в регионах деятельности ЮКОСа. При этом, по ряду объективных причин - затраты на экспортирование нефти из России (уплата экспортных налогов и пошлин в бюджет РФ, оплата транспортировки нефти с мест добычи в Западную или Северную Европу, фрахта, страхования, финансирования и т.д.) в действительности всегда нёс экспортёр, а не производитель – эти цены, разумеется, не были и не могли быть такими же, как в Западной Европе. Следовательно, они не включались и не могли включаться в фактическую стоимость нефти именно у производителя (не являющегося экспортёром) на промысле в России. А «потерпевшие», которые не несли этих затрат, не могли претендовать и не претендовали на их учёт и компенсацию в цене продаваемой ими на нефтепромысле нефти. Доказательствами тому являются, в т.ч., справки МНС РФ³⁶, договоры купли-продажи нефти с другими российскими организациями, не имеющими отношения к ВИНК ЮКОС³⁷, показания свидетелей Соболевой³⁸, Тяна³⁹, Орлова⁴⁰, Ползика⁴¹, Малого⁴², Зубкова⁴³, Касьянова⁴⁴, Грефа⁴⁵, Христенко⁴⁶.

Таким образом, цены не были никакими «заниженными» (в терминологии обвинения и *обжалуемого приговора*), а сам этот термин является абсолютно бессодержательным применительно к предмету доказывания по настоящему делу.

Помимо признанного судом полученного «потерпевшими» денежного возмещения за проданную нефть с превышением её фактической стоимости, другой основополагающий довод защиты об отсутствии признака безвозмездности состоит в том, что в *обжалуемом приговоре* подменено содержание понятия «хищения имущества с одновременной заменой его менее ценным». Как отмечалось выше, хищение может иметь место лишь при наличии совокупности всех обязательных признаков этого деяния, перечисленных в примечании к ст. 158 УК РФ и разъяснённых Пленумом Верховного Суда РФ. Поэтому подобная замена при хищении может иметь место лишь помимо воли потерпевшего для сокрытия преступления, введения собственника или иного законного владельца имущества в заблуждение (например, путём подмены подлинника копией, денег – «куклой» и т.п.). При этом такое имущество, оказавшееся у потерпевшего взамен похищенного, не становится собственностью потерпевшего и не может быть учтено в таком качестве, поскольку, во-первых, на это также не было воли потерпевшего, а, во-вторых, отсутствует надлежащее основание возникновения у него права собственности на это подменённое имущество. Однако по настоящему делу, как установлено в судебном заседании, «потерпевшие» по своей воле совершали сделки и принимали денежное

³⁵ См. стр. 41, 652, 673, 674, 675, 685 *обжалуемого приговора*.

³⁶ См. дело т. 86 л.д. 301-305.

³⁷ См. дело т. 49 л.д. 118-153, т. 50 л.д. 14-147, 157-164, т. 62 л.д. 298-310.

³⁸ См. протокол судебного заседания от 03.12.2009.

³⁹ См. протокол судебного заседания от 08.12. и 10.12.2009.

⁴⁰ См. протокол судебного заседания от 25.12.2009.

⁴¹ См. протокол судебного заседания от 11.01.2010.

⁴² См. протокол судебного заседания от 01.02, 03.02 и 08.02.2010.

⁴³ См. протокол судебного заседания от 03.09 и 04.09.2010.

⁴⁴ См. протокол судебного заседания от 24.05.2010.

⁴⁵ См. протокол судебного заседания от 21.06.2010.

⁴⁶ См. протокол судебного заседания от 22.06.2010.

возмещение за произведенный и проданный товар (нефть) в размерах, предусмотренных договорами, и отражали его в своей отчётности именно как выручку от реализации нефти⁴⁷. Мало того, и после перехода «потерпевших» под контроль компании «Роснефть», данный факт - получение выручки от реализации нефти в указанный период - неизменно и официально подтверждался (в том числе и в течение судебного разбирательства по настоящему делу) их новым руководством, не подконтрольным подсудимым.

Действуя согласно своей воле и в своем интересе, участники экономической деятельности свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (ст.ст. 1, 421 ГК РФ). Цена договора является его существенным условием и, в соответствии с п. 1 ст. 424 ГК РФ, также устанавливается соглашением сторон, следовательно - может быть любой.

Получение или неполучение той или иной стороной по сделке экономической выгоды, размер этой выгоды, а также мотивы, побудившие её добровольно согласиться с конкретной ценой, равно как и с иными условиями договора, является исключительным усмотрением сторон сделки. Следовательно, при отсутствии доказанных пороков воли эти обстоятельства не могут быть предметом оценки по уголовному делу, тем более - ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться в качестве признака хищения имущества «путём одновременной замены его менее ценным».

Согласно конституционному принципу равенства всех перед законом и неразрывно связанными с ним принципами правовой определённости и межотраслевого соответствия в праве, никакие положения уголовного права не могут противоречить имущественно - правовым закономерностям. В противном случае якобы безвозмездный характер сделок и, следовательно, повод для уголовно-правового вмешательства в частные дела хозяйствующих субъектов, можно будет произвольно усмотреть во всех случаях совершения гражданско-правовых сделок, цена которых по какой-либо причине «не устраивает» правоохранительные органы и суды. Однако именно такой произвол, имеющий место по настоящему делу, и признан *обжалуемыми судебными актами* «законным и обоснованным», послужив, помимо прочего, началом целой серии противоправных решений по другим делам и став хрестоматийным примером недопустимого извращения смысла закона и фундаментальных основ делового оборота. Вот лишь одно из многочисленных авторитетных мнений учёных по этому поводу: *«...ГК РФ не требует (под угрозой признания сделки ничтожной), чтобы любой договор обязательно вёл к фиксации прибыли: сделки совершаются и для минимизирования убытков, и для сохранения деловых отношений, и просто на авось. Ещё более уязвимыми являются брошенные «ЮКОСу» обвинения в том, что он злонамеренно навязал своим дочкам невыгодные сделки. Если провести эту абсурдную логику до конца, надо все холдинги и все группы аффилированных лиц немедленно распускать. ... Для того-то, собственно говоря, и существуют холдинги, концерны, ФПГ – чтобы сократить время на внутренние согласования внутри группы. Российский государственный капитализм весь представлен вертикально интегрированными структурами... И ни одна из них не рассчитана на то, чтобы учитывать мнение и прибыльность того или иного промежуточного звена производственной цепочки. ... Нет сомнения в том, что элементы «злонамеренности» в поведении НК «ЮКОС», сформулированные в судебных актах..., не выдерживают критики. Но эти судебные акты, получившие большой резонанс, указали потенциальным истцам новый и весьма привлекательный путь оспаривания не нравящихся им сделок: достаточно лишь сослаться на то, что якобы сделка была для того или иного лица невыгодной, чтобы требовать признания её ничтожной со ссылкой на ст. 10 и 168 ГК. И при этом ... не надо доказывать, что ты был и остаёшься акционером компании, что тебе причинён ущерб, что сделка не прошла согласования, что соблюдены сокращённые сроки исковой давности. ... Примеры исков ...не заставили себя долго ждать»⁴⁸.*

⁴⁷ См., напр., дело т. 168, л.д. 103, 105, 107.

⁴⁸ Б.Р.Карабельников, профессор юридического факультета РАНХ и ГС при Президенте РФ, член Лондонского международного третейского суда, судья Административного трибунала европейского банка реконструкции

Исходя из изложенного, защита утверждает, что воспроизведенная в *обжалуемом приговоре* фантазмагорическая, откровенно противоправная конструкция «хищения путём покупки по заниженной цене» является ничем иным, как умышленной фальсификацией обвинения в крайне невежественном исполнении. Её использование в *обжалуемом приговоре* не подтверждает, а, напротив, полностью опровергает наличие в инкриминированном деянии признаков безвозмездности и причинения реального ущерба. Каких-либо сведений, свидетельствующих о наличии в инкриминируемом деянии этих признаков, *обжалуемый приговор* (в том числе при описании деяния, признанного установленным и преступным) не содержит.

Вместе с тем, в *обжалуемом приговоре* содержатся подтверждения того, что суд первой инстанции понимал заведомо ложный характер обвинения. Это «мотивы», по которым им отвергнуты доводы стороны защиты:

- «Поступление выручки за нефть, похищаемой под видом купли-продажи, также не исключает признак безвозмездности...»⁴⁹;
- «Исследованными в ходе судебного заседания доказательствами установлено, что эти цены являлись не трансфертными, а были незаконно занижены, а практика их применения в ОАО НК «ЮКОС» зарубежным и российским стандартам не соответствовала»⁵⁰;
- «Довод Лебедева П.Л. о том, что размер ущерба должен был определяться исходя из фактической стоимости нефти, которую он трактует как себестоимость этой нефти, несостоятелен, поскольку подсудимым были заранее известны экспортные цены на российскую нефть»⁵¹.

Прибегнув к подобным противоправным и бессодержательным «доводам», суд не только попрал основы права и здравый смысл, но и безнадежно запутался в неразрешимых противоречиях собственных «выводов».

1.3.

Защитой также утверждалось, что в *обжалуемом приговоре* при описании инкриминируемого деяния – хищения вверенного имущества путём присвоения, не указаны его обязательные признаки, предусмотренные ст. 160 УК РФ, не говоря уже о том, что не приведено доказательств их наличия.

При присвоении предмет преступления должен быть вверен виновному, то есть на момент совершения преступления уже находиться в его владении на законных основаниях. Таким образом, при присвоении завладение чужим имуществом происходит не путём его непосредственного изъятия, как при совершении других видов хищения, а прежде всего путём противоправного, вопреки воле собственника обращения виновным в свою пользу уже находящегося у него на законных основаниях (вверенного) чужого имущества, иными словами – законное владение этим имуществом становится незаконным. На это обстоятельство прямо указывается в п.п. 18, 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 №51. Однако в описательной части *обжалуемого приговора* неоднократно указывается именно об «изъятии» нашими подзащитными «похищаемой» нефти⁵². О том, имел ли когда-либо до этого «изъятия»

и развития. «Злоупотребление правом не может служить основанием для предъявления иска» «Закон», № 11-2011, с. 77-88 (в указанной статье непосредственно анализируются судебные решения по сделкам поручительства дочерних добывающих компаний ВИНК ЮКОС за основное общество, также фигурирующим в обвинении по настоящему делу. Однако данный анализ полностью применим и к рассматриваемому здесь аспекту дела, поскольку, как указано выше, в *обжалуемых судебных актах* дана идентичная анализируемой в статье «оценка» сделок купли-продажи нефти и приведена идентичная «аргументация», не выдерживающая критики по этим же основаниям – прим. авторов жалобы).

⁴⁹ См. стр. 652 *обжалуемого приговора*.

⁵⁰ См. стр. 673-674 *обжалуемого приговора*.

⁵¹ См. стр. 675 *обжалуемого приговора*.

⁵² См. стр. 8, 35, 57, 58, 67, 72, 164, 309, 443, 604, 609, 616, 620, 621 *обжалуемого приговора*.

место факт вверения на законных основаниях Ходорковскому и Лебедеву якобы «похищенной» ими впоследствии нефти, в **обжалуемом приговоре** не упомянуто вовсе. Вместе с тем, в нём содержатся неоднократные утверждения о том, что контроль и управление, как самим ОАО «НК «ЮКОС», так и его дочерними добывающими обществами («потерпевшими»), со стороны наших подзащитных и других «членов организованной группы» были незаконными. Так, в **обжалуемом приговоре** указано: «Ходорковский, Лебедев и другие члены организованной группы, к 1998г. завладев, в том числе и **посредством преступных действий**, ...большинством акций ОАО «НК «ЮКОС» и 100 % пакетами акций дочерних данному обществу акционерных обществ, добывающих и перерабатывающих нефть, приобрели право на стратегическое и оперативное управление этими акционерными обществами. Добившись права на стратегическое и оперативное управление текущей деятельностью акционерных обществ, Ходорковский и действующие с ним в организованной группе Лебедев, другие члены организованной группы и иные лица в течение 1998-2003гг. совершили хищение путем присвоения вверенного имущества – нефти»⁵³. В постановлении от 27.12.2010 о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности по эпизоду обмена акций дочерних компаний ОАО «ВНК» (указанное постановление обжалуется отдельно, его копия прилагается к настоящей жалобе) умысел на «хищение акций путём присвоения» усмотрен в том, чтобы «путем незаконного завладения акциями...обеспечить беспрепятственное хищение нефти, добываемой ОАО «Томскнефть»»⁵⁴.

Таким образом, **двумя вступившими в законную силу судебными актами, постановленными по настоящему делу – обжалуемым приговором и постановлением, - признано установленным, что «завладение» акциями дочерних добывающих обществ было «незаконным», причём совершено оно якобы именно с целью «хищения нефти». В обжалуемом приговоре также содержатся многочисленные утверждения о незаконности создания управляющей компании ЗАО «ЮКОС ЭП» и передачи ей полномочий исполнительного органа «потерпевших»⁵⁵. При таких вымышленных (но признанных судом установленными) обстоятельствах нефть никак не могла находиться в законном владении и распоряжении Ходорковского и Лебедева, т.е. не могла быть им вверена - эти утверждения являются взаимоисключающими. Это же относится и к любым другим лицам, подконтрольным или подчинённым Ходорковскому и Лебедеву, независимо от их членства в «организованной группе». Такая конструкция обвинения, применённая в **обжалуемом приговоре**, исключает возможность законного и обоснованного вывода о присвоении нашими подзащитными или иными лицами в сговоре с ними (по их указаниям) какого-либо имущества, принадлежащего как самому ОАО «НК «ЮКОС», так и его дочерним обществам, т.е. о совершении в отношении такого имущества преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ.**

Однако **суды всех инстанций**, вместо того, чтобы принять во внимание и оценить вышеизложенное, действуя, как отмечалось выше, в рамках круговой поруки, осознавая невозможность честного опровержения базового аргумента защиты о фактическом и юридическом отсутствии обвинения, подменили обоснование своих выводов (а именно таким способом суду надлежит отвергать доводы сторон) воспроизведением основных положений всё тех же ложных обвинений. При этом с завидным упорством было повторено большинство тех же взаимоисключающих противоречий и прочих нелепиц из **обжалуемого приговора**, на которые сторона защиты обращала внимание в своих жалобах.

Кроме того, явно усугубляя пороки **обжалуемого приговора**, суды вышестоящих инстанций в ряде случаев прибегли, как уже упоминалось выше, к недопустимому «домысливанию» за судьёю Данилкина, пытаясь как-то «объяснить» или сгладить некоторые голословные, бессмысленные и взаимоисключающие утверждения, содержащиеся в **обжалуемом приговоре**. В тех же случаях, когда выводы суда первой инстанции прямо противоречили положениям УК РФ и доктрине уголовного права, вышестоящие суды прибегли к

⁵³ См. стр. 3 **обжалуемого приговора**.

⁵⁴ См. стр. 46-47 постановления Хамовнического районного суда гор. Москвы от 27.12.2010.

⁵⁵ См. стр. 4-6, 10-11, 35, 647-648 **обжалуемого приговора**.

псевдоистолкованию норм закона, а по сути – к его бесцеремонному извращению и пустопопорожной демагогии.

Так, в **обжалуемом определении** содержатся взаимоисключающие утверждения о том, что ВИНК ЮКОС вела обычную хозяйственную деятельность, однако именно эта деятельность, которая включала в себя создание управляющих компаний, заключение и исполнение хозяйственных договоров, якобы являлась неким способом совершения преступлений. В результате такого «толкования» **суд кассационной инстанции «пришёл» к весьма показательному для оценки обжалуемых судебных актов «выводу» о совершении преступления... законными способами и методами!**⁵⁶

Содержатся в **обжалуемом определении** и ссылки на некие нарушения различных гражданско-правовых норм, якобы допущенные в процессе деятельности ВИНК ЮКОС⁵⁷. Однако взаимосвязь этих, якобы имевших место, но ничем не доказанных, нарушений с уголовно-правовой квалификацией инкриминируемых деяний в **обжалуемом определении** никак не обоснована и не объяснена.

Пытаясь «интерпретировать» уголовный закон путём извращения его смысла, суд кассационной инстанции заведомо ложно указал, что вопросы воли потерпевшего якобы имеют значение только для квалификации грабежей и разбоев⁵⁸, а изъятие имущества имеет место при любом хищении⁵⁹. Вместе с тем, при честном подходе для любого юриста очевидно, что наличие свободной воли владельца на отчуждение имущества исключает его хищение, а при присвоении происходит обращение виновным в свою пользу вверенного ему, то есть уже находящегося у него на законных основаниях, имущества.

Полной фантазмагорией выглядят «умозаключения» суда кассационной инстанции о том, что дочерние добывающие предприятия ЮКОСа («потерпевшие»), которые управлялись компаниями, якобы полностью подконтрольными Ходорковскому и Лебедеву, самостоятельно поставили похищенную у них нефть конечным потребителям, находясь при этом якобы в неведении о том, что их продукция похищается⁶⁰.

Верхом же издевательства над позицией стороны защиты и здравым смыслом является утверждение о том, что именно биржевые котировки на нефть, поставленную в Западную Европу, и являются её фактической стоимостью в регионах добычи РФ, причём сделанное со ссылкой на те же, упомянутые выше, разъяснения Пленума ВС РФ, в которых в действительности содержится обратное⁶¹. Утверждая это в тексте **обжалуемого определения**, суд также проигнорировал соответствующие нормы финансового права, в которых дано чёткое и совершенно иное определение понятия «фактическая стоимость».

Надзорная инстанция Московского городского суда в сокращённом и местами ещё более изощрённом виде «проштамповала» вышеописанные «выводы» и «доводы» судов предыдущих инстанций. Подробнее об этом сказано в разделе 8 настоящей жалобы.

Лукавый характер этих «маневров», категорически недопустимых в судебных актах, абсолютно очевиден: если руководствоваться целями правосудия и действовать добросовестно, то нет никакой необходимости пытаться столь неблагоприятным способом опровергнуть доводы защиты. А если добросовестных доводов нет и взять их негде, но признать это - значит признать и ложность обвинения, то приходится вынужденно «маневрировать».

2. В обжалуемом приговоре отсутствуют важнейшие обстоятельства, подлежащие обязательному доказыванию (п.п. 1, 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

⁵⁶ См. абз.3-4 стр.51 **обжалуемого определения**.

⁵⁷ См. абз.2,4 стр. 52, абз.1,4 стр. 53 **обжалуемого определения**

⁵⁸ См. абз.4 стр.54 **обжалуемого определения**

⁵⁹ См. абз.4 стр.56 **обжалуемого определения**

⁶⁰ См. абз.1 стр.54 **обжалуемого определения**

⁶¹ См. абз.3 стр.55 **обжалуемого определения**

Отсутствие в обвинении обязательных признаков хищения неизбежно повлекло за собой утрату предмета доказывания, причём ещё на стадии досудебного производства. Тиражируя несостоятельное обвинение, суд первой инстанции, для придания ему видимости законности, домыслил и добавил в текст **обжалуемого приговора** отсутствующие в обвинительном заключении некоторые обстоятельства инкриминируемых деяний, что только добавило беззакония в процесс судебного разбирательства по делу.

Так, в отношении **«предмета преступного посягательства»** в **обжалуемом приговоре** изначально говорится и неоднократно повторяется, что предметом «хищения» является нефть⁶². Однако, наряду с этим, в нём содержатся и многочисленные взаимоисключающие утверждения о хищении денежных средств, вырученных от реализации этой самой нефти⁶³. Мало того, помимо нефти и денежных средств, в **обжалуемом приговоре** в качестве предмета «хищения» упоминаются и нефтепродукты (изготовленные, разумеется, из «похищенной» до этого нефти)⁶⁴. Следует отметить и взаимоисключающие утверждения в **обжалуемом приговоре** относительно предмета «легализации». В одних случаях в таком качестве указана нефть⁶⁵, а в других – денежные средства, вырученные от её реализации⁶⁶.

Место и способ совершения «преступления» в обвинении указываются в различных вариантах, а упоминание о **времени** совершения отсутствует вовсе. Так, в отношении места совершения преступления в **обжалуемом приговоре** имеются утверждения, что нефть якобы похищалась ещё до поступления на коммерческий узел учета АК «Транснефть»⁶⁷. Вместе с тем, в нём содержатся и прямо противоположные утверждения о самостоятельной отгрузке «потерпевшими» этой же нефти (реализации, в том числе на экспорт)⁶⁸. Несовместимым с утверждением о «хищении» нефти ещё до её поступления на коммерческий узел учёта является и описание в приговоре, причём именно в фабуле «хищения», последующих действий по её реализации, как составной части объективной стороны «хищения».

Ещё **большим «разнообразием»** характеризуется описание в **обжалуемом приговоре** способов «хищения» нефти. Так, одновременно утверждается о «безвозмездном **изъятии** нефти» и даже о «распределении» Ходорковским «похищенного» между «членами организованной группы»⁶⁹ (при полностью установленном факте отсутствия какой-либо недостачи!), и о том, что «изъятие нефти Ходорковскому и Лебедеву не инкриминируется»⁷⁰.

Наряду с этим, в **обжалуемом приговоре** содержатся указания и на иные, заведомо нереализуемые, противоречащие природе вещей и взаимоисключающие по отношению друг к другу способы «хищения»:

- **«перевод** (в других случаях – **«искусственный перевод»**) **на баланс»**⁷¹. Очевидно, что «перевести на баланс» (бухгалтерский документ) нефть (вещь) никак невозможно, не говоря уже о том, что данных о нефти в балансе вообще не содержится. Мало того, составляется этот документ значительно позже реализации и прекращения физического существования каждой партии нефти, и уже в силу одного этого обстоятельства «перевод на баланс», даже если бы он был практически возможен, никак не мог бы использоваться в качестве способа её хищения;
- **«фиктивное оформление (перевод) права собственности** (в других случаях **«фиктивного права собственности»**), **«посредством оформления противоправных**

⁶² См. стр. 3, 6, 8, 11, 14, 15, 17, 26, 133, 140, 647, 650, 654 **обжалуемого приговора**.

⁶³ См. стр. 20, 21, 22, 24, 63, 72, 74, 75, 93, 97, 99, 101, 105, 107, 124, 269, 271, 461, 466, 531, 547 **обжалуемого приговора**.

⁶⁴ См. стр. 127 **обжалуемого приговора**.

⁶⁵ См. стр. 304, 326, 348, 432, 457 **обжалуемого приговора**.

⁶⁶ См. стр. 421, 422, 461, 466, 472, 473, 475, 494, 511, 518, 521, 529, 531 **обжалуемого приговора**.

⁶⁷ См. стр. 675 **обжалуемого приговора**.

⁶⁸ См. стр. 12, 13, 27, 35, 655 и др. **обжалуемого приговора**.

⁶⁹ См. стр. 8, 20, 30, 34-35, 37, 72, 164, 308-309, 443, 609, 652 и др. **обжалуемого приговора**.

⁷⁰ См. стр. 647 **обжалуемого приговора**.

⁷¹ См. стр. 37, 47 и др. **обжалуемого приговора**.

сделок, заключённых под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной», «путём оформления в собственность (в других случаях – «путём оформления документов о продаже») по заниженным ценам», «по договорам (в других случаях – «под видом передачи по договорам») купли-продажи по заниженным ценам»⁷². Помимо того, что данный «способ» заведомо несовместим со всеми другими, указанными выше, он также практически нереализуем: право собственности, как и собственник, не бывает «фиктивным» или «по документам», оно не может переходить фиктивно, и главное - невозможно похитить имущество только с помощью оформления договоров, без совершения действий по непосредственному завладению этим имуществом, обращению его в свою пользу.

В нарушение положений ст. 252 УПК РФ суд произвольно добавил в **обжалуемый приговор** ряд обстоятельств «совершенных преступлений», которые отсутствуют в описании инкриминируемых деяний в обвинительном заключении. Так, в **обжалуемом приговоре** домыслено «место совершения хищения»⁷³, а для прикрытия несурзацы о преступлении без исполнителей, но с организаторами, суд добавил «от себя» этих исполнителей, которыми оказались «руководители ЗАО «ЮКОС ЭП»»⁷⁴, вообще не упомянутые в обвинении!

На тщательно аргументированные доводы стороны защиты об отсутствии в **обжалуемом приговоре** одних обстоятельств, подлежащих доказыванию, взаимоисключающих утверждениях о других и, как следствие, об утрате предмета доказывания, суд кассационной инстанции «отреагировал» голословным утверждением в **обжалуемом определении** о том, что все обстоятельства, предусмотренные ст. 73 УПК РФ, в ходе судебного разбирательства якобы установлены⁷⁵. И сам же себя опроверг, поместив на одной и той же странице **обжалуемого определения** взаимоисключающие утверждения о том, что наши подзащитные якобы завладели правом на нефть и денежными средствами от её реализации⁷⁶, и что «предметом хищения по настоящему делу является нефть»⁷⁷.

Суд надзорной инстанции и вовсе не посчитал нужным обращать внимание на такие «мелочи».

3. Игнорирование обстоятельств, установленных вступившими в законную силу решениями различных судов.

В ходе судебного разбирательства сторона защиты, в обоснование своих доводов о заведомом отсутствии обвинения и преступления, не только сослалась на 25 вступивших в законную силу решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции, но и представила их подробный анализ в части, относящейся к делу⁷⁸. Однако, вопреки требованиям ст. 90 УПК РФ и общеобязательной правовой позиции Конституционного Суда РФ⁷⁹, с невыгодной для обвинения

⁷² См. стр.8, 44, 616, 617, 684 – 686 и др. **обжалуемого приговора**.

⁷³ См. стр.652, 672 **обжалуемого приговора**.

⁷⁴ См. стр.684 **обжалуемого приговора**

⁷⁵ См. абз.2 стр.61 **обжалуемого определения**.

⁷⁶ См. абз.2 стр.54 **обжалуемого определения**.

⁷⁷ См. абз.3 стр.54 **обжалуемого определения**.

⁷⁸ См. протокол судебного заседания: от 21.04.2010 стр.6, от 27.04.2010 стр.28-30, от 29.04.2010 стр.4-6, 14-16, от 24.05.2010 стр.18-20, от 25.05.2010 стр.2-3, от 27.05.2010 стр.7, от 27.10.2010 стр.5, 8-13, 25, от 28.10.2010 стр.1-16, а также дело т. 247 л.д. 110-117, т. 270 л.д. 244-288, т. 272 л.д. 79-89.

⁷⁹ «...презумпция невиновности диктует признание судом всех фактов, свидетельствующих в пользу обвиняемого, – пока они не опровергнуты стороной обвинения в должной процессуальной форме. ... подтвержденные арбитражным судом обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, могут быть отвергнуты лишь после того, как вступивший в законную силу исполняемый судебный акт арбитражного суда будет аннулирован в предусмотренных для этого процедурах. ... статья 90 УПК Российской Федерации не предполагает возможность при разрешении уголовного дела не принимать во внимание обстоятельства, установленные не отмененными решениями арбитражного суда по

преюдицией суд в **обжалуемом приговоре** «расправился» с помощью умолчания или общих фраз, не утруждая себя попытками опровергнуть каждый довод защиты в отдельности. Так, о многочисленных аргументах защиты, касающихся обстоятельств, установленных вступившими в законную силу приговорами других судов (Кушвинского городского, Миасского городского, Лесного городского, Нефтеюганского районного, Самарского областного, Басманного районного, Симоновского районного, Мещанского районного), в тексте **обжалуемого приговора не упомянуто вовсе**. Не дано никакой оценки доводам защиты о том, что приговор в отношении Малаховского и Переверзина⁸⁰, на который обвинение ссылалось в подтверждение своей позиции, как на содержащий преюдициальные обстоятельства, содержит неразрешимые противоречия, подлежащие истолкованию исключительно в пользу подсудимых. В отношении же обстоятельств, установленных рядом решений арбитражных судов и полностью опровергающих обвинение, в **обжалуемом приговоре** содержатся лишь общие рассуждения о том, что арбитражные суды якобы рассматривали «совершенно другие вопросы», были «введены в заблуждение» и «не были осведомлены» о совершенных «хищениях нефти»⁸¹. Тем самым, вопреки прямому требованию закона, суд не только не признал в безусловном порядке установленные этими судебными актами обстоятельства, но и противоправно поставил под сомнение выводы других судов, присвоив себе полномочия вышестоящей по отношению к ним судебной инстанции. Такая позиция суда не только является откровенно противоправной, но и лишней раз подтверждает, что ему было достоверно известно и понятно отсутствие основания уголовной ответственности наших подзащитных. **Приговоры и решения судов, на которые ссылалась защита, касались деятельности ВИНК ЮКОС в части купли-продажи нефти, которую обвинение считает похищенной, и этими судебными актами, вступившими в законную силу, установлены следующие обстоятельства:**

нефть, добытая дочерними предприятиями ОАО НК «ЮКОС» («потерпевшими»), была ими продана на основании возмездных договоров, причем по цене, превышающей фактическую стоимость (себестоимость). Данные договоры были законны, действительны и фактически исполнены. Выручка от реализации этой нефти получена «потерпевшими» в полном объеме и оприходована именно в этом качестве;

- эта нефть не выбывала из законного владения дочерних добывающих предприятий ЮКОСа помимо их воли и была поставлена конечным потребителям;
- сложившаяся практика корпоративных взаимоотношений между основным и дочерними обществами в **ВИНК ЮКОС**, включая установление внутрикорпоративных цен на нефть, покупаемую у добывающих предприятий, соответствовала закону и не нарушала чьих-либо прав;
- единственная цель деятельности подконтрольных НК «ЮКОС» торговых компаний, зарегистрированных на территориях с режимом льготного налогообложения – получение экономической налоговой выгоды;
- данные торговые компании (трейдеры) функционировали и получали прибыль исключительно в интересах холдинга ЮКОС, который признан собственником всей нефти и выгодоприобретателем при её реализации.

Все эти факты, установленные многочисленными решениями различных судов, заведомо исключают возможность вывода о каком-либо хищении нефти и последующей легализации

гражданскому делу, которые вступили в законную силу, пока они не опровергнуты стороной обвинения...» (Определение КС РФ от 15.01.2008 N193-О-П "По жалобе гражданина Т.Р.Суринова на нарушение его конституционных прав статьей 90 УПК РФ").

⁸⁰ См. дело т. 152 л.д. 125-176.

⁸¹ См. стр. 658-661 **обжалуемого приговора**.

похищенного, поскольку безоговорочно опровергают наличие обязательных признаков такого хищения.

В **обжалуемом определении** почти дословно воспроизводится неправомерная позиция суда первой инстанции относительно доводов стороны защиты о преюдиции в настоящем деле. При этом суд кассационной инстанции, продолжая недопустимую и противоправную практику домысливания за другие суды, позволил себе утверждать, что арбитражному суду якобы не было известно о зависимости дочерних добывающих предприятий ОАО НК «ЮКОС» от последнего⁸²! Сделать такой обескураживающий вывод суду кассационной инстанции не помешало даже то, что состав **ВИНК ЮКОС** прямо указан в достоверно известных, как «потерпевшим», так и всем судам, учредительных документах «потерпевших», в том числе в Указе Президента РФ и Постановлении Правительства РФ о создании компании «ЮКОС». Не помешало и само название указанной компании, вполне ясно говорящее о её составе. Не говоря уже о том, что предметом рассмотрения арбитражных судах являлись именно взаимоотношения основного и дочерних (зависимых) обществ в рамках **ВИНК ЮКОС**!

Суд надзорной инстанции в **обжалуемом постановлении** продолжил порочную практику своих предшественников, несмотря на ещё более однозначную и исчерпывающую общеобязательную правовую позицию, сформулированную Конституционным Судом РФ к моменту разрешения им жалоб защиты⁸³.

4. Повторное осуждение за одни и те же деяния.

Защита неоднократно заявляла об отсутствии основания уголовной ответственности и о незаконности проведения судебного разбирательства по настоящему делу, поскольку вступившим в законную силу приговором Мещанского районного суда г. Москвы от 16.05.2005 наши подзащитные были осуждены по ст. 199 УК РФ за те же деяния, за которые они теперь уже повторно, но только с иной уголовно-правовой квалификацией, осуждены на основании **обжалуемого приговора**.

Повторное осуждение за одно и то же деяние **прямо запрещено** национальным (ст. 50 Конституции РФ, ст. 6 УК РФ) и международным (п. 1 ст. 4 Протокола № 7 к Европейской

⁸²См. абз.4 стр. 57 **обжалуемого определения**.

⁸³ «...в качестве единого способа опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченого дела преступлений против правосудия, включая фальсификацию доказательств. ... **Опровержение ... преюдиции судебного акта, принятого в порядке гражданского судопроизводства, на основании одного лишь несогласия следователя (или суда), осуществляющего производство по уголовному делу, с выводами данного судебного акта** (как это имело место в соответствии со статьей 90 УПК Российской Федерации в прежней редакции), **позволило бы преодолевать законную силу судебного решения в нарушение конституционного принципа презумпции невиновности и связанных с этим особенностей доказывания в уголовном процессе, игнорировать вытекающие из преюдиции обоснованные сомнения в виновности лица** (если решение по гражданскому делу говорит в пользу его невиновности). ... имеющими преюдициальное значение для суда, прокурора, следователя, дознавателя по находящемуся в их производстве уголовному делу являются фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства...» (Постановление КС РФ от 21.12.2011 N30-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко").

Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) правом.

В обоих приговорах, как Мещанского районного суда, так и **обжалуемом**, даётся оценка идентичным фактическим обстоятельствам. Очевидно, что речь идёт о перепродаже одной и той же нефти, добытой теми же дочерними добывающими обществами ОАО «НК «ЮКОС» (они же «потерпевшие»), через одни и те же торговые фирмы - трейдеры, в совпадающий период времени. Достаточно сверить описательную часть **обжалуемого приговора** с соответствующей частью приговора Мещанского районного суда, и идентичность исследуемых обстоятельств по обоим делам будет налицо⁸⁴.

Пытаясь незаконно уклониться от признания факта незаконного повторного уголовного преследования наших подзащитных за одно и то же деяние, суд в **обжалуемом приговоре** прибегнул к демагогии (примитивному манипулированию словами с целью увести от существа вопроса), а также к передёргиванию позиции защиты⁸⁵.

Так, утверждения о том, что «прибыль не является имуществом, а цифры нельзя похитить», никак не может помочь суду в опровержении позиции защиты (которая к тому же никогда эти прописные истины и не оспаривала). В продолжение попыток запутать элементарную суть ситуации, исказить до полной профанации и бессмыслицы доводы защиты и отмахнуться от очевидных фактов, суд первой инстанции повторяет бесспорный, но неуместный и не относящийся к доводам защиты постулат, что уклонение от уплаты налогов и хищение имеют различные объекты преступных посягательств⁸⁶. А далее делает абсурдный «вывод», явно противоречащий закону и доктрине уголовного права: *«Таким образом, в данном случае первичным является хищение и направление выручки от реализации похищенного в оборот, в процессе которого и совершилось уклонение от уплаты налогов с целью сокрытия совершаемого хищения и оставления в своем распоряжение максимально большей суммы выручки от реализации похищенного ими имущества»⁸⁷.*

Все эти манипуляции – не более чем беспомощные попытки прикрыть нагромождением вздора и лжи заведомо несостоятельную позицию, т.к. объективно невозможно обнаружить и привести честные аргументы против непреложной истины: у похитителя (как и у юридического лица, посредством которого совершается хищение) никогда не возникает законной обязанности уплачивать налог, ни с самого похищенного имущества, ни с дохода от него. Налогооблагаемая база может происходить лишь от легального владения активом, легальных операций с ним и легальных доходов от этих операций. Иными словами, объект налогообложения должен находиться в легальном правовом обороте, в то время как похищенное имущество по-прежнему

⁸⁴ См., напр., стр. 7-8, 76-78 **обжалуемого приговора** и т. 45 л.д. 11-13.

⁸⁵ Стр. 658-659 **обжалуемого приговора**: *«Доводы стороны защиты о том, что обвинение в присвоении нефти и уклонение от уплаты налогов являются одними и теми же преступлениями, так как налоги, по их версии, уплачивались с похищенной нефти, являются несостоятельными. Налоги уплачены с прибыли, а участниками организованной группы похищено имущество в виде нефти. Прибыль не является имуществом, так как это расчетная бухгалтерская величина, являющаяся разницей между доходами и расходами. Похитить цифры, существующие в бухгалтерской отчетности, невозможно, а совершить хищение нефти, являющейся материальной величиной, имуществом, возможно. Объектом налогового правонарушения (преступления) являются отношения по уплате налоговых платежей (налогов) в бюджет. Базой для исчисления ставок налога является не имущество, а расчетная величина между доходами и расходами. Объектом же присвоения (хищения) являются отношения по поводу владения, пользования и распоряжения определенным имуществом. В связи с этим утверждения подсудимых и стороны защиты о том, что невозможно требовать уплаты налогов, если вся нефть была похищена, необоснованны, так как объекты преступлений различны».*

⁸⁶ Стр. 662 **обжалуемого приговора**.

⁸⁷ См. там же.

принадлежит собственнику, а не похитителю и не используемому им в качестве «инструмента» хищения юридическому лицу. С другой стороны, не может возникнуть налоговых обязательств и у собственника похищенного имущества, поскольку он не может его реализовать и получить законный доход от пользования им. Кроме того, защита безуспешно обращала внимание судов предыдущих инстанций и на то обстоятельство, что незаконное повторное предание суду не подразумевает обязательного полного совпадения объёмов обвинений или же уголовно-правовой квалификации инкриминируемых деяний: достаточно установить, что речь идёт об одних и тех же фактических обстоятельствах. Именно такова правовая позиция Верховного Суда РФ⁸⁸ и Европейского Суда по правам человека⁸⁹.

При таких обстоятельствах **обжалуемым приговором** наши подзащитные не только повторно осуждены за одно и то же деяние, но и сами инкриминированные им деяния получили взаимоисключающую, по отношению к приговору Мещанского суда, правовую оценку. Это лишний раз подтверждает заведомо ложный, фальсифицированный характер их уголовного преследования.

В **обжалуемом определении** всего лишь в сокращённом виде воспроизведён тот же неуместный и ничего не доказывающий «довод» про «различные объекты преступных посягательств»⁹⁰. О «творческом» развитии этой темы и новых нагромождениях нелепицы и лжи в **обжалуемом постановлении** подробно сказано в разделе 8 настоящей жалобы.

5. Отсутствие квалифицирующего признака – совершения преступлений в составе организованной группы. Грубейшее нарушение презумпции невиновности.

Утверждение в **обжалуемом приговоре** о том, что преступление признаётся совершённым в составе организованной группы «в соответствии с требованиями действующего уголовного законодательства»⁹¹, является заведомо ложным. В действительности в **обжалуемом приговоре** извращена и выхолощена сама концепция организованной группы как формы соучастия, от неё оставлена только фразеология. В **обжалуемом приговоре** отсутствуют сведения, которые должны были в нём содержаться, если бы вменение указанного квалифицирующего признака было осуществлено в соответствии с требованиями закона.

С помощью противоправного вменения квалифицирующего признака «совершение преступления в составе организованной группы» при отсутствии каких-либо оснований для этого суд в **обжалуемом приговоре** предпринял попытку избежать не только доказывания, но даже описания конкретных действий Ходорковского и Лебедева, названных им «преступными». Такого описания в отношении Ходорковского и Лебедева в приговоре нет, оно подменено пустословием. **Обжалуемый приговор** избилует демагогическими утверждениями о «руководящей роли» Ходорковского и Лебедева в «организованной группе» при совершении всех сфабрикованных «преступлений» и бессодержательными декларативными оценками: «обеспечил», «утвердил», «создал», «организовал», «распределил» и им подобными, без указания на конкретные действия и обстоятельства их совершения. В отсутствие каких-либо признаков преступных деяний в приговоре предпринята попытка «смены вывесок»: название «компания ЮКОС» заменено на «организованную группу», органы управления компании - на «руководителей ОГ», а обычные процедуры принятия решений и обычные бизнес-операции названы преступной деятельностью организованной группы - хищениями и легализацией. Но

⁸⁸ См., например, Постановление Президиума ВС РФ от 03.10.2007 №241-П07.

⁸⁹ См., напр., постановления ЕСПЧ по делам «Оливейра[Oliveira] против Швейцарии» от 30.07.1998 №25711/94; «Золотухин против России» от 07.06.2007 №14939/03; «Шутте[Schutte] против Австрии» от 26.07.2007 №18015/03.

⁹⁰ См. абз.1 стр.59 **обжалуемого определения**.

⁹¹ См. стр. 678 **обжалуемого приговора**.

даже применив такой подход, **ни авторы обвинения, ни суд не указали и не описали конкретные действия конкретных лиц, в первую очередь наших подзащитных.** Такое «изложение» в приговоре «обстоятельств» создания и деятельности «организованной группы» дополнено механическим переписыванием её признаков из ст. 35 УК РФ и голословными утверждениями о том, что никогда в действительности не существовавшая «организованная группа» отличалась устойчивостью, сплочённостью, управляемостью, чётким распределением ролей, что она была создана с целью совершения преступлений и только их совершением и занималась на протяжении многих лет⁹². При этом **под видом распределения ролей в «организованной группе» в действительности указывается назначение тех или иных лиц на руководящие должности в компании ЮКОС, а сами «преступные роли» «членов организованной группы» точно совпадают с должностными обязанностями и полномочиями этих же людей в ЮКОСе. За «устойчивость» и «объединённость единым преступным умыслом» выдаётся опять же совместная работа в ЮКОСе.**

Вместе с тем, **в обжалуемом приговоре** ничего не сказано о том, когда, где, при каких обстоятельствах и с какой именно преступной целью была создана организованная группа, указываются несовпадающие между собой версии её состава и распределения ролей в ней. Из такого описания нельзя даже понять, какое количество «организованных групп», по мнению суда, было создано и действовало в недрах ЮКОСа.

При описании в **обжалуемом приговоре** состава «организованной группы» допущено грубейшее нарушение презумпции невиновности, поскольку в соучастии в преступлении фактически обвинены лица, не только не являвшиеся подсудимыми по делу, но и вообще не признанные виновными никогда и никаким судом. То обстоятельство, что из тех мест **обжалуемого приговора**, где об этих лицах говорится как о соучастниках и членах «организованной группы», изъяты их фамилии, названные в обвинительном заключении, ничего не меняет, поскольку все эти лица легко узнаваемы по занимаемым ими должностям, они неоднократно упоминаются в этом качестве в других местах **обжалуемого приговора**. Более того, в нём указано, что присвоение нефти совершили неназванные «руководители ЗАО «ЮКОС-ЭП»», «выполняя отведённую Ходорковским и Лебедевым в организованной группе роль»⁹³. Но никакие руководители ЗАО «ЮКОС ЭП» никаким судом виновными не признаны. А это, в свою очередь, означает, что специальные субъекты - исполнители «хищения нефти путём присвоения», в приговоре не названы, то есть отсутствуют. В отсутствие же исполнителей (специальных субъектов) Ходорковский и Лебедев признаны «организаторами» указанного вымышленного преступления заведомо незаконно (ч. 5 ст. 35 УК РФ).

Выгораживая подписавшего и провозгласившего **обжалуемый приговор** судьёю Данилкина, суд кассационной инстанции «отверг» вышеуказанные доводы защиты простейшим образом, указав в **обжалуемом определении**, что якобы на самом деле «...в приговоре подробно описано, в чём состоят действия Ходорковского и Лебедева в составе организованной группы»⁹⁴. Это, в равной мере ложное и голословное, утверждение суд кассационной инстанции попытался «обосновать» именно теми бессодержательными и декларативными оценками из текста **обжалуемого приговора**, которые и подвергались обоснованной критике защитой⁹⁵.

По тому же порочному пути пошла и надзорная инстанция Московского городского суда.

6. Нарушения права на справедливый суд. Неправильное применение уголовного закона и фундаментальные нарушения требований УПК РФ.

⁹² См. стр. 678-682 **обжалуемого приговора**.

⁹³ См. стр. 684 **обжалуемого приговора**.

⁹⁴ См. абз.2 стр.59 **обжалуемого определения**

⁹⁵ См. абз.2, 3 стр.59 **обжалуемого определения**

Как уже было указано выше, доводы, приведённые в разделах 1-5 настоящей жалобы, содержат безусловные основания отмены приговора с прекращением дела в связи с отсутствием состава преступления. В силу причин, указанных в этих разделах, законный исход дела не может быть иным независимо от любых других обстоятельств, даже если бы суд при рассмотрении и разрешении дела не допустил никаких иных нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона. По этой причине анализ нарушений, содержащийся в настоящем разделе 6, является факультативным по отношению к доводам, изложенным выше в разделах 1-5. По этой же причине не может рассматриваться в качестве законного и обоснованного решения суда надзорной инстанции отмена приговора с направлением дела на новое судебное разбирательство. Вместе с тем, защита считает необходимым в качестве факультативных доводов указать, что судом допущены многочисленные, в том числе фундаментальные и одновременно неустраняемые, нарушения уголовного и уголовно-процессуального закона, которые путем лишения гарантированных УПК РФ прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства повлекли постановление незаконного, необоснованного и несправедливого приговора. Приговор, как в описательно-мотивировочной, так и в резолютивной частях, не соответствует ни одному из требований, предусмотренных ст. 297, 302 УПК РФ. Более того, содержание приговора свидетельствует о том, что суд осознавал его незаконный, неправосудный характер и пытался это скрыть.

6.1. Нарушения при назначении наказания.

Неправильное применение уголовного закона (п. 3 ч. 1 ст. 379 УПК РФ), выразилось также в том, что при назначении наказания за несовершеннолетние, сфабрикованные преступления **суд неправильно применил совокупность самостоятельных требований, предусмотренных ч. 5 ст. 69 и ч. 3 ст. 72 УК РФ, чем ещё более ухудшил положение и без того незаконно осуждённых**. Так, в *обжалуемом приговоре* суд, сославшись на ч. 5 ст. 69 УК РФ, указал: «...к назначенному наказанию частично присоединить наказание, не отбытое по приговору Мещанского районного суда г. Москвы от 16.05.2005 ...и окончательно назначить ...наказание в виде лишения свободы сроком на 14 (четырнадцать) лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима»⁹⁶, и далее: «срок отбытия наказания осужденными исчислять: Ходорковскому М.Б. с 07 февраля 2007 года, Лебедеву П.Л. с 08 февраля 2007 года. В окончательное наказание зачесть наказание, отбытое осужденными по первому приговору суда: Ходорковскому М.Б. – с 25 октября 2003г. **по 07 февраля 2007 года**, Лебедеву П.Л. – со 02 июля 2003г. **по 08 февраля 2007 года**»⁹⁷.

Вместе с тем, согласно требованиям ч. 5 ст. 69 УК РФ **наказание, отбытое по первому приговору суда, подлежит зачёту в окончательное наказание полностью, а не в какой-либо части**. Закон не допускает никакой возможности неполного зачёта срока наказания, отбытого по первому приговору, при назначении наказания по совокупности преступлений. В частности, не предусмотрена возможность частичного зачёта этого срока, например, только до момента ареста по новому делу, как это сделано в обжалуемом приговоре. Правило ч. 5 ст. 69 УК РФ прямо требует полного зачёта этого срока, и никак иначе. А другое, самостоятельное правило - ч. 3 ст. 72

⁹⁶ См. ср. 687-688 *обжалуемого приговора*.

⁹⁷ См. стр. 688 *обжалуемого приговора*.

УК РФ, требует исчислять с момента ареста срок наказания, назначенный по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, то есть – **предварительно уменьшенный на весь уже отбытый срок.**

Следовательно, суд обязан был полностью зачесть наказание, отбытое по первому приговору: Ходорковским - в период с 25.10.2003 по 27.12.2010, Лебедевым – в период с 02.07.2003 по 27.12.2010. Суд был не вправе ограничить отбытый срок, подлежащий зачёту в окончательное наказание, датами избрания им ареста в качестве меры пресечения по второму делу, поскольку и после ареста они продолжали отбывать наказание по приговору Мещанского суда вплоть до вынесения **обжалуемого приговора**. Вопреки решительным возражениям стороны защиты, включая даже голодовку М.Б.Ходорковского в 2010 году, следствие и все суды в течение почти четырёх лет считали необходимым держать наших подзащитных непременно за «двойной решёткой». В каждом из многочисленных судебных решений по этому вопросу прямо указано, что они отбывают лишение свободы по приговору Мещанского суда, и наряду с этим к ним избрана и продлевается мера пресечения в виде заключения под стражу. Судья Данилкин, в течение почти двух лет продлевая срок ареста, тоже каждый раз писал, что они в это время отбывают лишение свободы по предыдущему приговору. Данное обстоятельство является очевидным и бесспорным. Оно, в том числе, прямо подтверждалось всеми следователями, прокурорами и судами при избрании в отношении Ходорковского и Лебедева указанной меры пресечения в феврале 2007 года и затем каждый раз при продлении срока их содержания под стражей на всех стадиях судопроизводства по настоящему делу⁹⁸. Подтверждение этого обстоятельства содержится и в судебных актах судов кассационной и надзорной инстанций, постановленных по результатам рассмотрения жалоб защиты на избрание и продление указанной меры пресечения, в том числе уже после провозглашения **обжалуемого приговора**⁹⁹. При таких обстоятельствах **суд обязан был, не смешивая два самостоятельных требования закона и не подменяя одно другим, вначале исполнить императивное требование ч. 5 ст. 69 УК РФ о полном (а не частичном!) зачёте отбытого по первому приговору срока, и лишь затем применить правило ч. 3 ст. 72 УК РФ и исчислить с момента ареста по второму делу срок окончательного наказания, оставшийся после полного зачёта отбытого.** Именно такая правовая позиция содержится в п.п. 31, 35 Постановления Пленума ВС РФ от 11.01.2007 №2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. Пост. ПВС РФ от 03.04.2008 №5, от 29.10.2009 №21): «...31. Судам следует иметь в виду, что при назначении наказания по правилам части пятой статьи 69 УК РФ в окончательное наказание полностью засчитывается наказание, отбытое по первому приговору суда. ...35. ...срок отбывания окончательного наказания, определенного по правилам части 5 статьи 69..., исчисляется со дня постановления последнего приговора с зачетом времени содержания под стражей по этому делу в порядке меры пресечения или задержания». Аналогичное разъяснение содержится в п. 17 действующего и в настоящее время Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1981 №3 «О практике назначения наказания при совершении нескольких преступлений и по

⁹⁸ См дело: т. 123 л.д. 176-182; т. 124 л.д. 174-177, 183-189; т. 133 л.д. 29-35, 37-38, 46-52, 54-57, 86-96, 104-113, 173-181, 183-195, 202-205, 256-265, 267-270, 272-280, 282-284; т. 158 л.д. 18-24, 27-32, 39-45, 48-53, 78-95, 97-113; т. 189 л.д. 136-158, 176, 183-186; 190-199; т. 193 л.д. 256-273; т. 209 л.д. 81-88, 99-114; т. 210 л.д. 269-273.

⁹⁹ См дело: т. 133 л.д. 1-2, 43-45, 58-60, 97-103, 122-126; т. 158 л.д. 33-38, 58-60, 150-153, 155-156, 159-162; т. 189 л.д. 178-182, 187-189; т. 203 л.д. 7-11, 44-47; т. 213 л.д. 46 и др.

нескольким приговорам»¹⁰⁰, а также в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26.08.2010 №51-О10-54. Когда защита П.Л.Лебедева обратилась в суд за компенсацией морального вреда в связи с признанным Верховным Судом РФ незаконным продлением его ареста в этот самый период (май – октябрь 2010 года), суд отказал в иске. Суд сослался, в том числе, на то, что Лебедев одновременно с арестом отбывал наказание в виде лишения свободы, и поэтому вреда незаконным арестом ему якобы не причинено¹⁰¹. Всё это, однако, никак не помешало суду в **обжалуемом приговоре** зачесть отбытый по первому приговору срок не в полном размере (а он составлял на момент постановления **обжалуемого приговора** более 7 лет у каждого), как того требует закон, а лишь до момента ареста по второму делу в феврале 2007г. Иными словами, вместо отбытых семи с лишним лет им зачтено лишь по три с небольшим. А остальные три года 10 месяцев 20 дней **в результате допущенного грубого нарушения требований ч. 5 ст. 69 и ч. 3 ст. 72 УК РФ** безвозмездно изъяты из отбытого срока. По-другому безвозмездное изъятие называется у юристов хищением. Это хищение почти четырёх отбытых лет признано «законным и обоснованным» вышестоящими московскими судами, причём никаких доводов по существу ни один из них не привел. Так, **суд кассационной инстанции** не устранил допущенное в приговоре данное грубейшее нарушение закона, никак не мотивировав это. Мало того, **уменьшив почти на треть объём обвинения в хищении нефти, он, по непостижимым причинам, не счёл нужным сколько -нибудь снизить на этом основании срок наказания.** А снижение со ссылкой на ФЗ-26 от 07.03.2011 срока наказания на 6 месяцев по каждой из двух статей обвинения трудно назвать иначе, чем издевкой и симуляцией исполнения требований ст. 10 УК РФ.

В **обжалуемом постановлении**, явно из-за отсутствия добросовестных аргументов, опровергающих позицию защиты, вопрос о неправильном зачёте отбытого срока и исчислении срока, подлежащего отбытию, вообще обойдён молчанием. Анализ применения судом надзорной инстанции требований ст. 10 УК РФ, с учётом ФЗ-26 от 07.03.2011 и ФЗ-420 от 07.12.2011, приведён в разделе 8 настоящей жалобы.

То обстоятельство, что судами, помимо незаконного осуждения, проигнорированы и вышеуказанные требования закона в отношении назначения наказания, лишний раз наглядно подтверждает, что преследование М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева носит характер расправы над ними и не имеет ничего общего с правосудием.

6.2. Уголовное дело было рассмотрено и обжалуемый приговор по нему постановлен незаконным составом суда, который был специально подобран.

Данное дело было направлено в суд с нарушением правил определения территориальной подсудности, установленных ст. 32 УПК РФ, в связи с чем судьё Данилкину, в соответствии с

¹⁰⁰ (С изм. и доп., внесенными Пост. ПВС СССР от 15.11.1984 №26; от 16.01.1986 №5): «Судам необходимо иметь в виду, что срок отбывания окончательной меры наказания, определенной по правилам части 3 ст. 40 УК РСФСР (ст. 69 УК РФ) ...исчисляется со дня вынесения последнего приговора с зачетом времени содержания под стражей до суда по последнему делу в порядке меры пресечения или задержания. В срок наказания, назначенного в порядке части 3 ст. 40 УК РСФСР (ст. 69 УК РФ), ...должно быть, **кроме того**, зачтено наказание, отбытое полностью или частично по первому приговору».

¹⁰¹ См. например, абз.3 с.4 апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22.06.12 (дело № 11-11220 по иску Лебедева П.Л. к Министерству финансов РФ) и абз.7 с.2 апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24.08.12 (дело № 11-15847 по иску Лебедева П.Л. к Министерству финансов РФ).

положениями ч. 1 ст. 34 УПК РФ, надлежало вынести постановление о направлении дела по подсудности.

Территориальная подсудность не является малозначительным, «техническим» элементом отправления правосудия, поскольку является одной из гарантий конституционного права на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (ст. 47 Конституции РФ). Эта конституционная норма, в свою очередь, корреспондирует параграфу 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующему каждому разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Все перечисленные выше нормы уголовно-процессуального (ст. 32 УПК РФ), конституционного (ст. 47 Конституции РФ) и международного (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) права содержат в себе охранную функцию от проведения судебных процессов **в специально подобранных судах**.

Начиная с предварительного слушания в суде первой инстанции и далее на всех стадиях судопроизводства сторона защиты обосновывала свои утверждения о неподсудности дела Хамовническому районному суду следующим.

Инкриминируемые нашим подзащитным деяния представляют собой совокупность событий (как связанных, так и не связанных между собой), которые отнесены обвинением к различным местам и адресам, как в г. Москве, так и в других регионах РФ и за её пределами. Следовательно, вопрос о территориальной подсудности дела должен был решаться по правилам ч.ч. 2, 3 ст. 32 УПК РФ. Однако, исходя из содержания обвинений, предъявленных М.Б.Ходорковскому и П.Л.Лебедеву, на территории юрисдикции именно Хамовнического районного суда г.Москвы не расположены ни «место окончания преступления», ни «место совершения большинства преступлений», ни «место совершения наиболее тяжкого из них».

Как указано выше, все изложенные в предъявленных обвинениях обстоятельства фактически представляют собой описание хозяйственной деятельности **ВИНК «ЮКОС»**. Стороной обвинения утверждается, что инкриминируемые деяния совершены нашими подзащитными *«за счет действий подчинённого им напрямую управленческого персонала»* и *«с помощью выстроенной ...вертикальной системы управления»*¹⁰². Вместе с тем, ни основной офис ОАО НК «ЮКОС», ни его какие-либо подразделения, никогда не располагались на территории района «Хамовники», находящейся в юрисдикции Хамовнического районного суда.

Единственным местом (адресом), имеющим отношение к району «Хамовники» и упомянутым в текстах предъявленных обвинений, является офис адвокатского бюро «АЛМ Фельдманс», находившийся по адресу: г.Москва, Сеченовский переулок, дом 6/1. Данное адвокатское бюро и состоящие в нём адвокаты, а также сотрудники бюро, упомянуты как в тексте обвинений по ст. 160 УК РФ, так и в тексте обвинений по ст.ст. 174, 174-1 УК РФ. Однако это обстоятельство не может служить основанием для вывода о подсудности дела Хамовническому районному суду г.Москвы, поскольку:

- действия адвокатов и сотрудников адвокатского бюро «АЛМ Фельдманс», описанные в обвинениях¹⁰³, являются некими промежуточными этапами инкриминируемых деяний, но никак не являются «окончанием преступления»;
- адрес офиса «АЛМ Фельдманс» (г.Москва, Сеченовский пер. 6/1), в котором якобы совершены действия, являющиеся элементами инкриминируемых преступлений, указан лишь в фабулах обвинений по ст. 160 УК РФ¹⁰⁴. В фабулах обвинений по ст.ст. 174, 174-1 УК РФ некие действия партнёров этого адвокатского бюро хотя и упомянуты, но без какой-либо привязки к вышеуказанному офису. Вместе с тем, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 174-1 УК РФ, на момент направления дела в суд являлось более тяжким, чем преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 УК РФ. Кроме того, некая деятельность адвокатов и сотрудников бюро «АЛМ Фельдманс», имеющая отношение к инкриминируемым Ходорковскому и Лебедеву деяниям, как это следует из материалов

¹⁰² См. абз.4 стр.33 и абз.2 стр.34 обвинительного заключения

¹⁰³ См. стр.50, 122, 138, 143, 144 обвинительного заключения

¹⁰⁴ См. стр.50 обвинительного заключения

дела, имела место не только в вышеуказанном офисе, но и в офисе того же бюро, расположенном в пос. Жуковка Одинцовского района Московской области, иных местах, и даже в следственном изоляторе¹⁰⁵.

Помимо этого, для вывода о неподсудности дела Хамовническому районному суду имеет значение то обстоятельство, что уголовные дела в отношении лиц, прямо указанных в обвинениях М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева в качестве соучастников последних¹⁰⁶, рассмотрены Басманным районным судом г.Москвы¹⁰⁷. При этом ни в чём ином, помимо действий, инкриминированных и нашим подзащитным, лица, осуждённые Басманным районным судом, не обвинялись.

В связи с очевидной бесспорностью утверждений защиты о неподсудности дела Хамовническому районному суду судами первой и кассационной инстанций, в целях запутывания существа вопроса, была применена недобросовестная уловка. Также авторы **обжалуемых судебных актов**, для придания ложной убедительности своим рассуждениям по данному вопросу, искажали и передергивали содержание обвинительного заключения.

Так, в **обжалуемом приговоре** содержится не соответствующее действительности утверждение о том, что при описании в обвинениях обстоятельств наиболее тяжкого из вменённых преступлений указан адрес офиса «АЛМ Фельдманс»¹⁰⁸. Указание же в **обжалуемом приговоре** на то, что в ходе судебного следствия подсудность дела якобы подтвердилась, является заведомой профанацией, ибо общеизвестно, что подсудность устанавливается на основании содержания обвинительного заключения, то есть - до судебного следствия, а не в ходе и тем более - не по итогам его.

Суды кассационной и надзорной инстанций привычно «проштамповали» в **обжалуемых определении и постановлении** вышеизложенные неуклюжие оправдания судьи Данилкина¹⁰⁹, при этом ни тот, ни другой суд не могли не осознавать, что **обжалуемый приговор постановлен незаконным составом суда**.

При таких обстоятельствах имело место постановление **обжалуемого приговора** незаконным составом суда (п. 2 ч. 2 ст. 381 УПК РФ), при этом суд, со всей очевидностью, являлся специально подобранным. Это ещё одно подтверждение довода защиты о том, что осуждение М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева по настоящему делу является продолжением заведомо незаконной расправы над ними.

6.3. Иные фундаментальные нарушения требований УПК РФ.

Приняв к производству неподсудное ему дело, судья Данилкин в ходе его рассмотрения не только проигнорировал фундаментальные и неустранимые нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные на досудебной стадии, но и сам допустил многочисленные подобные нарушения.

Эти нарушения подробно перечислены и проанализированы на **32 страницах** кассационной жалобы адвокатов М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева от 29.04.2011 и обобщённо выразились в следующем:

- суд принял к производству и разрешил дело, обвинение и обвинительное заключение по которому не соответствуют основополагающим требованиям закона. Тем самым суд

¹⁰⁵ См. стр.143-144 обвинительного заключения

¹⁰⁶ См. стр.8, 45-46 обвинительного заключения

¹⁰⁷ Приговор от 01.03.2007 в отношении Малаховского и Переверзина, а также приговор от 18.072011 в отношении Вальдес-Гарсия.

¹⁰⁸ См. ср. 676-677 **обжалуемого приговора**.

¹⁰⁹ См. абз.4 стр. 62 **обжалуемого определения**.

лишил подсудимых возможности реализовать конституционное право на защиту (ст. 46 Конституции РФ), в частности, право знать, в чем они обвиняются (ст. 47 УПК РФ), быть осведомленными об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и о пределах судебного разбирательства, а, следовательно – лишил их возможности возражать против предъявленного обвинения и эффективно защищаться от него;

- суд при разрешении дела и постановлении **обжалуемого приговора** не руководствовался законом и совестью. Вопреки требованиям ст. ст. 87, 88, 240, 243 УПК РФ, он не только не обеспечил состязательность и равенство сторон, но и, прямо нарушая ст. 19, 46, 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ, намеренно и незаконно создал выгодные условия и преимущества для стороны обвинения. Тем самым суд выступил на стороне обвинения как орган преследования. В процессе представления доказательств и при их оценке суд, не объявляя об этом, исходил из заранее установленной силы доказательств обвинения. При этом суд фактически освободил сторону обвинения от обязанности доказывания. В **обжалуемом приговоре** суд указал, что основывает его на представленных стороной обвинения доказательствах, которые признаёт относимыми, допустимыми, достоверными, основанными на законе¹¹⁰. Однако при исследовании доказательств суд не потребовал и не получил от стороны обвинения какого-либо обоснования доказательственного значения (относимости, достоверности), а также допустимости каждого из них, и не подверг эти доказательства надлежащей проверке, а лишь констатировал (в ряде случаев ложно) факт их «наличия». При этом суд проигнорировал тот очевидный факт, что практически все «доказательства» стороны обвинения получены незаконно и потому являются недопустимыми и юридически ничтожными. Тем самым суд грубо нарушил требования ст. 50 Конституции РФ, ст.ст. 7, 75 УПК РФ. Защита была лишена возможности допросить многих свидетелей, большинство экспертов и всех специалистов, кроме одного, а также исследовать в качестве доказательств и даже приобщить к материалам дела опросы лиц, полученные защитой с их согласия в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ;
- суд грубо поправ презумпцию невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ). Постановляя обвинительный **обжалуемый приговор** и, вместе с тем, будучи не в состоянии доказательно опровергнуть каждый из доводов и каждое из доказательств стороны защиты, он намеренно проигнорировал в приговоре подавляющую часть этих доказательств и доводов. Осознавая, что совершает грубейшее нарушение фундаментального конституционного права подсудимых, суд попытался замаскировать это нарушение и создать видимость оценки доводов и доказательств защиты. С этой целью суд фрагментарно изложил в **обжалуемом приговоре** лишь отдельные доводы стороны защиты, в ряде случаев существенно исказив их содержание и смысл (включая показания М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева), и сопроводил это недобросовестное изложение невнятными, никак не опровергающими позицию защиты, а зачастую фактически подтверждающими её, комментариями под видом «критической оценки»;
- суд, вопреки ст.ст. 240, 297, ч. 4 ст. 302 УПК РФ, «оценил» в приговоре доказательства, которые не были предметом исследования в судебном заседании;
- суд удалился в совещательную комнату для постановления **обжалуемого приговора**, изготовив лишь небольшую часть протокола судебного заседания, в результате чего судья в совещательной комнате вместо достоверной, надлежаще и полно зафиксированной,

¹¹⁰ См. стр. 628 **обжалуемого приговора**.

известной и доступной сторонам, информации об исследовании доказательств и ходе судебного разбирательства, использовал неизвестный источник информации об этом. Изготовленный судом после окончания судебного разбирательства протокол судебного заседания является недостоверным, то есть отсутствует (п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ);

- суд проигнорировал все доводы защиты о политической мотивированности уголовного преследования Ходорковского и Лебедева, незаконном вмешательстве должностных лиц в осуществление правосудия, не отразил их в приговоре и не дал им никакой оценки.

Все перечисленные выше нарушения являются фундаментальными и свидетельствуют о том, что суд не был независимым и беспристрастным¹¹¹.

Попытка суда кассационной инстанции опровергнуть доводы защиты о многочисленных нарушениях права на справедливый суд и уголовно-процессуального закона свелась к выборочному перечислению этих доводов и голословным ритуальным заклинаниям о том, что они якобы «тщательно исследованы», «надлежащим образом оценены», но «не нашли своего подтверждения». Весь этот набор штампов, предназначенных для применения именно в тех случаях, когда нет конкретных аргументов по существу, занял в **обжалуемом определении 4 страницы¹¹²**.

Суд надзорной инстанции был ещё более лаконичен и столь же голословен, о чём подробнее сказано в разделе 8 настоящей жалобы.

7. Уголовная фикция.

Завершившееся вынесением **обжалуемых приговора и определения** судебное разбирательство по настоящему делу имело широкий общественный резонанс. Очевидные для широкого круга лиц вопиющие нарушения со стороны обвинения и суда, откровенная вседозволенность и полное игнорирование не только требований закона, но и здравого смысла, не были оставлены без должного внимания, как в России, так и за рубежом.

В январе 2011 года Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (далее **Совет**) было принято решение о проведении общественной правовой экспертизы (научно-правового анализа) судебных актов по данному уголовному делу. Об этом решении 01.02.2011 был проинформирован Президент РФ Д.А.Медведев, который его поддержал и отметил значимость независимого аналитического доклада по данному делу¹¹³.

¹¹¹ ЕСПЧ последовательно признавал, что если суд не является независимым и беспристрастным, то нет необходимости исследовать разбирательство дальше – в таком фундаментально ущербном суде оно никогда не будет справедливым (см. «Демиколи[Demicoli] против Мальты», жалоба №13057/87, 27.08.1991, §43; «Финдли [Findlay] против Соединенного Королевства», жалоба № 22107/93, 25.02.1997, §80), «Инчал[Inçal] против Турции», жалоба №22678/93, 09.06.1998, §74; «Озертикогу[Ozertikogu] против Турции», жалоба № 48438/99, 22.01.2004, §251, «Джираклар[Ciraklar] против Турции», жалоба №19601/92, 28.10.1998, §§ 44-45).

¹¹² См. стр. 62-65 **обжалуемого определения**.

¹¹³ <http://www.president-sovet.ru/news/1538/>: «...был бы признателен, если бы экспертное сообщество постаралось подготовить тот самый правовой анализ соответствующих решений. Вот это представляло бы определённую ценность, потому что любому человеку, который желает разобраться в чём-то, приходится опираться на мнение специалистов. Я вам по-честному скажу, я не считаю себя специалистом в области уголовного права и процесса, я никогда им не занимался. Я занимался всю жизнь гражданским правом, коммерческим правом, семейным правом, здесь я более или менее ориентируюсь,

Доклад о результатах экспертизы (далее **Доклад**) состоялся 21 декабря 2011г.¹¹⁴ на заседании **Совета**. Текст **Доклада** был представлен Президенту РФ Д.А. Медведеву председателем **Совета** М.А.Федотовым 27 декабря 2011г.¹¹⁵

Предметом экспертизы явились опубликованные материалы, в первую очередь - официальный текст **обжалуемого приговора**. Проводилась экспертиза в условиях конфиденциальности, исключительно на общественных началах и в условиях, исключающих любой конфликт интересов. К участию в её проведении были привлечены ведущие российские и иностранные специалисты в области конституционного права, уголовного и уголовно-процессуального права, налогового права, предпринимательского и корпоративного права, международного публичного права, в том числе в области юрисдикции Европейского суда по правам человека, а также в области микроэкономики и менеджмента.

Из содержания представленных **Совету** и опубликованных им заключений специалистов видно, что их оценка судебных актов по настоящему делу во всех существенных аспектах практически полностью совпадает с последовательной позицией стороны защиты.

Главным и практически единодушным выводом всех специалистов стало утверждение о том, что преследование Ходорковского и Лебедева в уголовном порядке не имеет законных оснований. Комментируя выводы экспертов, член **Совета**, судья Конституционного Суда в РФ в отставке **Т.Г.Морщакова** назвала факт признания Хамовническим районным судом наших подзащитных виновными «**уголовной фикцией, которая удалась нашему правосудию**»¹¹⁶.

Из заключительных выводов специалистов, в частности, следует, что в ходе судебного процесса и в **обжалуемом приговоре** имели место:

- неправомерное расширительное толкование признаков инкриминированных составов преступлений (в действительности отсутствующих) и, как следствие, привлечение к уголовной ответственности за легальные действия;
- игнорирование преюдициального значения обстоятельств, установленных вступившими в законную силу решениями других судов, а также повторное привлечение к уголовной ответственности за одни и те же деяния;
- нарушение требований закона о предмете и пределах судебного разбирательства;
- несоблюдение принципов независимости и беспристрастности суда, равноправия сторон и презумпции невиновности.

Так, в частности:

-д.ю.н., проф. **А.В.Наумов** (заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генпрокуратуры РФ) в своём заключении пришёл к выводу, что в содержащемся в **обжалуемом приговоре** описании деяний, признанных преступными, отсутствуют обязательные признаки инкриминированных составов преступлений, а также имеет место повторное осуждение за одни и те же действия, в связи с чем полагает, что «...*Приговор Хамовнического районного суда г. Москвы от 27 декабря 2010г. по делу Ходорковского М.Б. и Лебедева П.Л. является незаконным и подлежит отмене за отсутствием в их действиях составов инкриминируемых им преступлений. Он вынесен с грубым нарушением Конституции Российской Федерации (ст.ст. 15, 50), Уголовного кодекса Российской Федерации (ст.ст. 1, 6, 8, 14, 158, 160, 174¹), Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст.ст. 24, 90, 299), противоречит общепринятым принципам и нормам международного права (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах), научному (доктринальному) и судебному (включая*

даже несмотря на 10 лет разрыва в практике, 11 уже. Но по этим вопросам для меня очень важно мнение разных людей как для руководителя государства».

¹¹⁴ <http://www.president-sovet.ru/news/1538/>

¹¹⁵ «Московские новости» от 28.12.2011

¹¹⁶ См. «Ведомости» от 22.12.2011.

разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации) толкованию указанных нормативных актов (отечественных и международно-правовых)»¹¹⁷;

- д.ю.н., проф. **О.М.Олейник** (заведующая кафедрой предпринимательского права Высшей школы экономики) по поводу организационных отношений в ЮКОСе отмечает:

«...а) Эти отношения соответствуют гражданскому законодательству...;

б) система зависимых юридических лиц сама по себе не может рассматриваться как преступная группа, поскольку состояние зависимости прямо предусмотрено законодательством;

в) сложившаяся структура правоотношений в вертикально-интегрированной компании является общепринятой как в российской, так и в международной практике добычи и реализации нефти и нефтепродуктов...

...заключенные генеральные соглашения также не могут рассматриваться как противоправные, поскольку они соответствуют общим принципам гражданско-правового регулирования и направлены на поддержание и координацию длительных деловых связей. Установленный в них момент перехода права собственности соответствует требованиям ГК РФ. ...

...трансфертное ценообразование не является механизмом хищения товара, сделки с которым подлежат налогообложению, поскольку если товар похищен, то не имеет значения, каким образом была сформирована на него цена в целях налогообложения. Не говоря уже о том, что хищение не может ... рассматриваться как операция с товаром, подлежащая налогообложению.

Общий вывод:

«Постановленный приговор содержит в себе множество юридических ошибок и неточностей, нарушает ряд гражданско-правовых норм, полностью игнорирует судебные решения, вынесенные ранее как судом общей юрисдикции, так и арбитражными судами, и нарушает требования Конституционного суда РФ»¹¹⁸;

-д.ю.н., проф. **А.Д.Прошляков** (заведующий кафедрой уголовного процесса Уральской государственной юридической академии) считает, что: «Вопреки требованиям ст.15 УПК РФ суд, нарушив предписания ст.ст. 90, 240, 246, 252 УПК РФ, одновременно выполнил функцию обвинения и функцию разрешения дела. Обвинительный уклон в деятельности суда усматривается в том, что суд: ... Полностью отверг все доказательства, представленные стороной защиты ... По всем спорным вопросам и во всех сомнительных ситуациях (о территориальной подсудности уголовного дела, о допустимости полученных доказательств ...) однозначно поддержал сторону обвинения»¹¹⁹;

-доцент права **Джеффри Кан** (Южный методистский университет, США) настаивает на том, что: «Оценка приговора по настоящему делу выявляет нарушения в отношении подсудимых прав человека, охраняемых Статьями 3, 6 и 7 Европейской Конвенции по правам человека: ... Суд не был независимым и беспристрастным (Статья 6) ... В приговоре отсутствовали признаки мотивированного судебного решения (Статья 6) ... Подсудимые были лишены презумпции невиновности (Статья 6) ... Подсудимые были лишены права на равенство сторон (Статья 6)

¹¹⁷ Стр.22 Доклада

¹¹⁸ Стр. 24 Доклада

¹¹⁹ Стр. 24-25 Доклада

... Обвинение в присвоении не было предсказуемым (Статья 7)...»¹²⁰, а также заключает: «...Такое беспардонное копирование ...[текста обвинительного заключения в тексте **обжалуемого приговора** – прим. авт.] ...является убедительным косвенным доказательством того, что суд не осуществлял свой собственный процесс принятия мотивированного решения для постановления приговора»¹²¹;

-д.ю.н., проф. **Отто Люхтерхандт** (Гамбургский университет, ФРГ) утверждает: «**Приговор – документ правового нигилизма.** ... Приговор глубоко несправедлив. Он, во-первых, существенно противоречит основным правовым принципам правового государства (ст. 1 Конституции России). Во-вторых, он глубоко противоправен еще и потому, что осуждает обвиняемых за преступления, которых они не совершали, и признаки состава которых, уже согласно собственным установлениям суда, явно отсутствовали. В целом ход процесса и приговор характеризуются игнорированием почти всех основных принципов fair trial [справедливого правосудия] в устрашающем масштабе. ... Если сравнивать ... обстоятельства дела, являющиеся существенной основой для второго осуждения Ходорковского и Лебедева ... с обстоятельствами дела, содержащимися в обвинительном заключении и приговоре Мещанского районного суда 2005 года, бросается в глаза совпадение: тогда речь шла о тех же самых обвиняемых, о роли, которую они играли в реализации нефти, добытой дочерними компаниями ЮКОСа и, кроме того, об уголовно-правовой оценке процессов в вертикально структурированном концерне ЮКОС в целом. ...Ст. 50 ч. 1 Конституции запрещает повторное осуждение за связанное с такими обстоятельствами дела поведение лица, признанного виновным, с помощью еще и другого состава преступления. ... **Приговор не обоснован: обвиняемые ничего не присвоили.** ... Осуждение Ходорковского и Лебедева ... было недопустимо ... и потому, что нефть не была похищена ни ими, ни другими лицами. Состав преступления присвоения и растраты в смысле ст. 160 УК, которая является основой для осуждения, вообще отсутствует! ...Пиком ...неправовых действий судьи Данилкина было в его приговоре объявление неотносимыми более чем 60 ... решений арбитражных судов (!) России с 2004 года, которые оценили договоры купли-продажи как действительные и, соответственно «НК ЮКОС» – как собственника нефти. ...Ходорковский и Лебедев не должны были бы быть осуждены за присвоение и растрату нефти, даже если бы генеральные соглашения и договоры купли-продажи ОАО «НК ЮКОС» с дочерними нефтедобывающими компаниями в силу закона были ничтожными и поэтому недействительными..., так как они не совершили никаких действий, которые содержали бы состав преступления. ... Стороны договора исходили из действительности договоров купли-продажи и тем самым – из передачи нефти в собственность...»¹²²;

-д.э.н., проф. **С.М.Гуриев** (ректор Российской экономической школы) пришёл к следующим выводам: «Описываемый в приговоре процесс построения и функционирования НК «Юкос» сам по себе не является доказательством противоправных действий ее руководителей. ... Все крупнейшие нефтяные компании (как российские, так и зарубежные) являются вертикально-интегрированными... Безусловно, функционирование в режиме вертикальной интеграции не имеет никакого отношения к нарушению закона... ... текст приговора не содержит убедительных доказательств вины подсудимых. ... описанные в приговоре действия являются нормальной практикой ведения бизнеса вертикально-интегрированной компании в рыночной экономике»¹²³.

Текст **Доклада**, официально опубликованный **Советом** на своём сайте, находящийся в свободном доступе и включающий полные тексты заключений специалистов, привлечённых **Советом** к проведению экспертизы, прилагается на CD-диске в качестве дополнительного

¹²⁰ Стр. 76-77 Доклада

¹²¹ Стр. 148 Доклада

¹²² Стр. 21-22, 55-62, 207-236 Доклада

¹²³ Стр. 20, 34-38, 110-116 Доклада

материала в подтверждение доводов стороны защиты, содержащихся в настоящей надзорной жалобе¹²⁴.

К выводу о несправедливом суде над Ходорковским и Лебедевым пришёл также институт прав человека Международной ассоциации юристов, текст Отчёта которого по наблюдению за ходом судебного процесса также прилагается к настоящей жалобе.

Об «оценке», которую дал этим документам президиум Московского городского суда, подробно сказано в разделе 8 настоящей жалобы.

8. Несостоятельность и неправосудность обжалуемого постановления президиума Московского городского суда.

Обращаясь в Верховный Суд РФ с предыдущей (от 24.02.2012) совместной надзорной жалобой, защита подчёркивала: *«...из содержания настоящей жалобы, основанной исключительно на анализе **обжалуемых судебных актов**, материалов дела, закона, судебной практики и уголовно-правовой доктрины, со всей очевидностью следует, что суды всех инстанций г.Москвы при рассмотрении любых вопросов, относящихся к настоящему делу, руководствовались не законом и честным анализом доказанных фактов, а интересами круговой поруки. При этом судами всех инстанций допускались грубейшие нарушения требований закона¹²⁵, на ряд из которых Верховный Суд РФ уже указывал председателю Московского городского суда своим частным определением¹²⁶. Фактически эти суды выполняли функции, несовместимые с отправлением правосудия. В связи с этим защита не может доверять какой-либо инстанции Московского городского суда и настаивает на рассмотрении данной жалобы непосредственно в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, без предварительной передачи её на рассмотрение Президиума Московского городского суда. Кроме того, защита обращает внимание, что в соответствии с п. 2 ст. 403 УПК РФ именно Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ является судом, рассматривающим настоящую надзорную жалобу, а в соответствии со ст. 47 Конституции РФ (часть 1) никто не может быть лишён права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которых оно отнесено законом. Направление же настоящей жалобы на рассмотрение в Президиум Московского городского суда не будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства и повлечёт легко прогнозируемые негативные последствия, в том числе, необоснованно увеличит срок разрешения настоящего уголовного дела, и без того беспрецедентно затянувшийся»*. В просительной части жалобы защита поставила вопрос о передаче дела на рассмотрение непосредственно Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ без направления его в президиум Московского городского суда.

Несмотря на специально сделанное предупреждение и высказанную просьбу, вопреки очевидным фактам, Председатель Верховного Суда РФ направил возбуждённое им надзорное производство в президиум Московского городского суда. И далее всё происходило в полном соответствии с описанным защитой сценарием.

¹²⁴ Вопрос 704: «Какие документы, помимо перечисленных в ст. 404 УПК, могут быть приобщены к надзорному ходатайству в подтверждение доводов, изложенных в надзорных жалобе или представлении?. Ответ: в качестве таких документов в суд надзорной инстанции могут быть представлены ... **консультационные заключения экспертов и иные документы, подтверждающие доводы, изложенные в надзорных жалобе или представлении**» («Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Москва, изд. «Юрайт», 2008, стр. 576).

¹²⁵ См. Определения Судебной Коллегии по уголовным делам ВС РФ от 15.04.2011 (дело №5-Д-11-29) и от 13.09.2011 (дело №5-Д-11-63).

¹²⁶ См. Определение Судебной Коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13.09.2011 (дело №5-Д-11-63).

После вопиющей пятимесячной волокиты в Мосгорсуде, сопровождавшейся смехотворными и лживыми отговорками о якобы возникших препятствиях в рассмотрении надзорных жалоб, 20.12.2012 президиум Московского городского суда вынес **обжалуемое постановление**, которое по сути является симуляцией выполнения обязанностей суда надзорной инстанции, предусмотренных нормами главы 48 УПК РФ, в том числе - выполнения указаний Председателя Верховного Суда РФ. А значит – симуляцией правосудия и продолжением расправы. С учётом особой значимости данной судебной инстанции, а также с учётом того, что **обжалуемое постановление** вынесено якобы во исполнение постановления Председателя Верховного Суда РФ, считаем необходимым проанализировать данный судебный акт более подробно.

Действуя в рамках круговой поруки и применяя весь отработанный арсенал противоправных манипуляций, президиум Мосгорсуда в **обжалуемом постановлении** уклонился от надлежащей оценки всех доводов стороны защиты. Не побрезговали члены президиума городского суда и передергиванием, и замалчиванием ряда обстоятельств дела, и даже прямой ложью и отрицанием некоторых азбучных истин.

Так, в **обжалуемом постановлении**:

- **позиция стороны защиты изложена неполно**. Отсутствует даже упоминание о совместной надзорной жалобе защиты в Судебную коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.02.2012, несмотря на то, что именно с отказом в её удовлетворении не согласился Председатель Верховного Суда РФ, отменив постановление судьи Верховного Суда РФ и возбудив надзорное производство. Не приведён ни один довод надзорной жалобы М.Б.Ходорковского, рассмотренной и удовлетворённой Председателем Верховного Суда РФ. Вместо этого указано лишь, что он «согласен с позицией защиты» и «просит об отмене состоявшихся судебных решений»;

- **позиция стороны защиты изложена недобросовестно, с намеренными и грубыми искажениями**. Так, на стр. 4 (абзац 2) **обжалуемого постановления** упомянута никогда не существовавшая «надзорная жалоба адвокатов и осуждённого Ходорковского». В следующем абзаце адвокатам ложно приписан никогда ими не выдвигавшийся абсурдный довод «об отсутствии таких признаков хищения, как ...отсутствие причинения ущерба потерпевшему»¹²⁷. Защита последовательно утверждает об отсутствии какого-либо ущерба (разд. 1.2. настоящей жалобы), но никак не об «отсутствии отсутствия», то есть, выражаясь понятными словами – о его наличии. Далее со ссылкой на позицию защиты содержится перечисление проигнорированных судом в **обжалуемом приговоре** преюдициальных обстоятельств (разд. 3 настоящей жалобы). Однако в нём отсутствует важнейшее из этих обстоятельств, а именно: вступившими в законную силу судебными решениями собственником нефти, добытой дочерними предприятиями ОАО НК «ЮКОС» и проданной ими по возмездным договорам, признано ОАО НК «ЮКОС». В этом же перечислении полностью отсутствуют ссылки защиты на преюдициальные обстоятельства, установленные приговорами по другим уголовным делам. Чтобы завалуировать это обстоятельство, в тексте **обжалуемого постановления** сначала упоминается просто о «решениях различных судов», но затем следует некая видимость оценки обстоятельств, установленных лишь **решениями арбитражных судов**¹²⁸.

Далее, на стр. 14 **обжалуемого постановления** полностью искажена позиция стороны защиты по вопросу о повторном осуждении за одно и то же деяние. Там утверждается: «*смысл этих доводов сводится к тому, что поскольку к моменту вынесения первого приговора органы предварительного следствия не усмотрели в действиях обвиняемых, связанных с использованием ООО «Митра», ООО «Форест-Ойл», ООО «Вальд Ойл» и ООО «Бизнес-Ойл», иных деяний, кроме вменённых им налоговых преступлений, то последующее уголовное преследование осуждённых по ч. 3 ст. 174.1 УК РФ следует расценивать как запрещённое законом повторное осуждение за одно и то же деяние*». Достаточно беглого сравнения процитированного с содержанием раздела 4 настоящей жалобы, чтобы убедиться, что в **этом**

¹²⁷ См. абз.4 стр.4 **обжалуемого постановления**

¹²⁸ См. абз.6 стр.4, абз.2-4 стр.13 **обжалуемого постановления**

недобросовестном изложении полностью выхолощена простая и понятная суть вопроса и заменена никогда не выдвигавшимся защитой ложным и несостоятельным доводом о конфликте осуждения по ст. 199 УК РФ лишь с осуждением по ст. 174.1 УК РФ. При этом вся дальнейшая «полемика» по данному вопросу ведётся в **обжалуемом постановлении** именно с этой - приписанной защите - ложной позицией, а не с истинной, которая в целом верно (хоть и предельно кратко) сформулирована на стр. 5 **обжалуемого постановления**. Причина **столь недостойной подтасовки** очевидна: суду нечего противопоставить истинной позиции защиты.

На стр. 5 **обжалуемого постановления** ложно заявлено: «*утверждая о фундаментальных нарушениях требований УПК РФ, адвокаты ссылаются на выводы специалистов общественной экспертизы*». Здесь - **двойная ложь суда**. В действительности доводы защиты по данному вопросу, подтверждённые многочисленными ссылками на материалы дела, **обжалуемый приговор** и предыдущие жалобы, а не на заключение указанных специалистов, изложены в разделе 6 настоящей жалобы. Докладу же Совета по правам человека при Президенте РФ по результатам общественной экспертизы **обжалуемого приговора** посвящён раздел 7 настоящей (и предыдущей) совместной жалобы защиты, а изложенные в нём выводы далеко не сводятся только к процессуальным нарушениям. Весь ответ на доводы о грубейших, в том числе фундаментальных и неустраняемых, нарушениях процессуальных прав наших подзащитных, в **обжалуемом постановлении** сводится к объявлению доводов защиты голословными, дежурному набору лозунгов и экзотическому выводу об отсутствии «*каких-либо данных о намеренном ущемлении председательствующим процессуальных прав подсудимых и их защитников*». «Ненамеренное» же ущемление таких прав президиум, очевидно, считает допустимым и не требующим его внимания. Что касается Доклада о результатах общественной экспертизы и полученных в ходе этой экспертизы заключений, а также Отчёта Института прав человека Международной ассоциации юристов, то от этих материалов президиум высокомерно отмахнулся на том «основании», что «они исходят от общественных формирований, члены которых не являются специалистами в области правоприменительной деятельности...», и что «они получены непроцессуальным путём и ...в связи с этим не могут быть приняты во внимание при проверке законности и обоснованности судебных решений по делу». В разделе 7 настоящей жалобы подробно указаны эти «неспециалисты» и их выводы, и легко убедиться, о каких «неспециалистах» идёт речь. Что же касается «непроцессуального пути» получения этих документов, то никто и не пытался выдать их за процессуальные доказательства по делу, и осталось неясным, с кем в этой части спорит президиум. Однако же нельзя не заметить, что, например, сведения о смене дня и ночи тоже получены человечеством непроцессуальным путём. Означает ли данный бесспорный факт, что и эти сведения недостоверны и не могут быть приняты во внимание никогда никаким судом?.. Применительно к рассматриваемому вопросу: если известные учёные – бесспорные и высокие авторитеты в областях знаний, прямо относящихся к существу дела, независимо друг от друга и от стороны защиты изучив **обжалуемый приговор** после его вступления в законную силу, пришли к выводам об отсутствии оснований для какой-либо уголовно-правовой оценки действий осуждённых, то суду, связанному круговой порукой в осуществлении расправы, разумеется, ничего не остаётся, как назвать этих учёных «неспециалистами», а их заключения – недостойными высокого внимания суда. Иными словами, налицо неудержимое стремление президиума Мосгорсуда «расправиться» с **Докладом и Отчётом** «с порога», уклонившись от анализа их содержания, непровержимо свидетельствующего об откровенной ложности и фальсифицированности обвинения и явной неправосудности **обжалуемых судебных актов**.

Поскольку этим в основном исчерпываются изложение и оценка доводов защиты в **обжалуемом постановлении**, имеются более чем достаточные основания для вывода о том, что **все эти доводы в обжалуемом постановлении не только не опровергнуты, но и не изложены в надлежащем виде, а лишь создана видимость их изложения и оценки, причём и это сделано крайне недобросовестно.**

Как указано выше, в отношении подавляющего большинства доводов защиты в **обжалуемом постановлении** фактически воспроизведён набор несостоятельных и ложных положений предыдущих **обжалуемых судебных актов**, сопровождаемый дежурными

голословными заклинаниями о том, что всё это якобы достоверно установлено судом, мы не считаем необходимым в настоящем разделе жалобы повторно приводить свои доводы, уже изложенные в её предыдущих разделах. Повторим лишь, что ни один из них доказательно не опровергнут. Вместе с тем, мы считаем необходимым указать на некоторые новые, и столь же ложные, утверждения и выводы, содержащиеся в **обжалуемом постановлении**.

Так, высшая инстанция Мосгорсуда, напрочь отбросив присущие её предшественникам элементы ложного стыда, даже не пытается маскировать основную фальсификацию обвинения и заявляет, что причинение «потерпевшим» реального ущерба, а значит – хищение нефти, состоит исключительно в том, что нефть на промыслах в Сибири и в Самарской области продавалась ими по более низким ценам, чем она продавалась на борту судна в европейском порту. Однако, несомненно осознавая и пытаясь замаскировать явную неуместность и недобросовестность сравнения цен на нефть в российских нефтедобывающих регионах и в Западной Европе, занимаясь по сути «наперсточничеством», члены президиума Мосгорсуда исключили в **обжалуемом постановлении** ссылки судов предыдущих инстанций на «мировые» цены, подменив их ссылками на некие «реальные рыночные» цены (или «полную рыночную стоимость») ¹²⁹, без какой-либо привязки этих цен (стоимости) к месту «хищения». Но и этот малопочтенный приём удался авторам **обжалуемого постановления** не вполне, поскольку уже страницей позже они нечаянно проговорились, указав о наличии в распоряжении суда первой инстанции неких сведений о «мировых ценах на нефть», которые он «исследовал в судебном заседании» и которыми обосновал свой «правильный» вывод о доказанности «хищения нефти» путём «установления максимально заниженных цен» ¹³⁰.

В то же время, с несвойственной этой высокой инстанции скромностью, она умалчивает в **обжалуемом постановлении** о той азбучной истине, что сумма ущерба при хищении должна определяться по фактической стоимости похищенного, а таковой для производителя является сумма фактических затрат на её изготовление (себестоимость). Не найдя в себе сил для прямого отрицания тех бесспорно установленных по делу фактов, что себестоимость нефти покрывалась с превышением договорными ценами при её продаже, «потерпевшими» получена прибыль в размере более 3 млрд. долларов США, а рентабельность продаж ими нефти – более 20% ¹³¹, президиум Мосгорсуда сделал открытие в области права, диалектики и логики. Он одновременно признал, что факт получения «потерпевшими» выручки от реализации нефти в размере, не только покрывающем себестоимость нефти, но и позволившем им получить прибыль, «не соответствует действительности» (то есть его нет), и при этом он «не опровергает выводов суда о виновности осуждённых в хищении чужого имущества» (то есть он есть, но не опровергает...). И всё это - в двух абзацах на одной странице! ¹³² Логично ожидать дальнейших разъяснений по следующему вопросу: а если данный факт всё же соответствует действительности (как это установлено **обжалуемым приговором** и признано абзацем ниже в **обжалуемом постановлении**), тогда он опровергает вывод о виновности осуждённых в хищении? Или этот вывод «неопровержим» просто в силу того, что никакой московский суд не в состоянии вынести по данному делу законное решение?

Весьма показателен для оценки уровня аргументации суда следующий пассаж из **обжалуемого постановления**: «...совершенно очевидно, что совершённое Лебедевым П.Л., Ходорковским М.Б. и другими членами организованной группы присвоение ...нефти причинило потерпевшим организациям реальный материальный ущерб на указанные в приговоре конкретные суммы» ¹³³. О каких доказательствах может идти речь, если президиуму Мосгорсуда «совершенно очевидно»? А то обстоятельство, что «указанные в приговоре конкретные суммы» на треть снижены судом кассационной инстанции - сущий пустяк на фоне «совершенной

¹²⁹ См. с.с. 7, 10 **обжалуемого постановления**

¹³⁰ См. с. 11 **обжалуемого постановления**

¹³¹ См., напр., стр.674 **обжалуемого приговора**

¹³² Подробнее об этом см. раздел 1.2. настоящей жалобы и стр. 10 **обжалуемого постановления**.

¹³³ С. 11 **обжалуемого постановления**

очевидности»... Ему (президиуму) также «совершенно очевидно», что выводы суда о «реальных рыночных ценах, подлежащих применению при определении размера причинённого потерпевшим ущерба, ...основаны на ...заклЮчениях судебно-бухгалтерских экспертиз»¹³⁴. А нам, как и всем, кто знаком с материалами дела, совершенно очевидно, что это – прямая ложь суда: никакие экспертизы для определения каких-либо цен и какого-либо ущерба по делу не проводились! Цены (разумеется, «правильные», то есть «полные», они же «мировые») экспертам всегда указывали сами следователи в качестве исходных данных. А если под «определением размера ущерба» высокий суд подразумевает выполненный экспертами обвинения (с многочисленными ошибками) расчёт гипотетической выручки от никогда не совершавшихся и, более того, невозможных в практическом исполнении, сделок, то тем хуже для такого суда.

В обжалуемом постановлении также указано, что генеральными соглашениями об условиях продажи «потерпевшими» нефти устанавливались некие «заниженные» цены¹³⁵, хотя на самом деле в этих соглашениях сведения про цены не содержатся вовсе!

Ещё одним «новым цивилистическим словом» в **обжалуемом постановлении** является введённый им в оборот термин «*фактическое завладение*»¹³⁶. С учётом того, что под владением в деловой и правоприменительной практике понимается как раз фактическое обладание вещью, это, бесспорно, достойное столь высокой судебной инстанции пополнение перечня бессмысленных псевдоюридических словосочетаний, подробно проанализированных в разделе 1.1. настоящей жалобы. Его синонимами, вероятно, должны стать термины «дважды фактическое обладание», или «масло масляное». К этому же ряду цивилистических открытий следует отнести: упрёк в адрес управляющей компании «ЮКОС-ЭП», осуществлявшей полномочия исполнительного органа добывающих компаний, что она осуществляла эти полномочия «без каких-либо согласований» с ...этими самими нефтедобывающими компаниями¹³⁷; утверждение об «искусном приспособлении для маскировки своих действий и достижения преступного результата предусмотренных действующим законодательством организационных форм, методов и способов финансово-хозяйственного оборота»¹³⁸. Излишне говорить, что **обжалуемое постановление** не снисходит ни до каких деталей «искусности» этого «приспособления для маскировки». И очень жаль: с помощью таких деталей можно было бы попытаться если не понять, то хотя бы догадаться, о чём имел в виду сказать президиум.

Искусственно привнесённый в настоящее дело предшествующими судебными инстанциями и используемый ими вне всякой связи с его истинным значением правовой термин «внешнее управление»¹³⁹ в **обжалуемом постановлении** поддержан, но обогащён эпитетом «*так называемое*»¹⁴⁰. Однако очень вскоре – буквально через две страницы, этот эпитет из текста **обжалуемого постановления** исчез¹⁴¹. В результате осталось неясным, было ли всё же внешнее управление, или оно было лишь «так называемое», и тогда что же это было в действительности?

Ещё одним важным открытием **обжалуемого постановления** является признание в нём того обстоятельства (до этого не признававшегося установленным никаким судом!), что нефть «...сдавалась в систему магистрального трубопровода «Транснефти» и по фиктивным документам транспортировалась в адрес зарубежных и российских потребителей». Допускаем, что в отношении столь высокой инстанции, как президиум Мосгорсуда, может не действовать прямой запрет, установленный п. 1 ч. 7 ст. 410 УПК РФ. Но всё же, даже такой высокой инстанции следовало бы объяснить, какие именно документы о транспортировке нефти из числа

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ С. 7 **обжалуемого постановления**

¹³⁶ С. 6 **обжалуемого постановления**

¹³⁷ С. 9 **обжалуемого постановления**

¹³⁸ С. 12 **обжалуемого постановления**

¹³⁹ см. раздел 1.1. настоящей жалобы

¹⁴⁰ С. 7 **обжалуемого постановления**

¹⁴¹ С. 9 **обжалуемого постановления**

исследованных каким-либо судом, и на основании каких исследованных доказательств, она считает «фиктивными» (то есть – не существовавшими в действительности), и как такие масштабные фальсификации были возможны в системе «Транснефти» в течение многих лет.

Полагаем, что не только сторона защиты, но и всё судебное сообщество по достоинству оценят ту бескомпромиссность, с которой **высшая инстанция крупнейшего в стране суда расправилась с десятками вступивших в законную силу судебных решений, которыми установлены обстоятельства, имеющие преюдициальное значение для дела. А заодно «поставила на место» все другие суды, кроме своего и постановившего обжалуемый приговор.** О приговорах других судов **в обжалуемом постановлении**, как уже сказано выше, нет вообще ни слова. Что же касается вступивших в законную силу решений арбитражных судов, то, оказывается: *«Суд не игнорировал решений арбитражных судов, касающихся структур ОАО НК «ЮКОС», а, наоборот, дал им соответствующую оценку в приговоре и обоснованно признал, что с учётом особенностей арбитражного и уголовного судопроизводства, а также существенных различий в предметах доказывания указанные решения какого-либо преюдициального значения по делу не имеют».* Проще говоря: все суды и судебные решения равны, но некоторые из них «равнее» других, и потому могут «давать соответствующую оценку» решениям иных судов, не являясь по отношению к ним вышестоящими. Они даже «равнее» прямого требования закона (ст. 90 УПК РФ) и правовых позиций Конституционного Суда¹⁴². Правда, закон требует придавать преюдициальное значение не самим по себе судебным решениям, а установленным ими обстоятельствам (они подробно изложены в настоящей и предыдущих жалобах защиты и полностью исключают саму возможность обвинения в хищении). Но *«с учётом особенностей..., а также существенных различий»* эти «мелкие детали» остались за пределами внимания высокого суда.

Венцом же изощрённого издевательства над здравым смыслом и назначением надзорного судопроизводства являются пространные рассуждения в **обжалуемом постановлении** о соотношении приговоров Мещанского и Хамовнического районных судов г.Москвы, которыми соответственно в 2005 и 2010 годах осуждены Лебедев и Ходорковский. Защищая оба взаимоисключающих (в части осуждения по ст. 199 УК РФ в первом случае и по ст.ст. 160, 174.1. УК РФ – во втором) приговора одновременно, но симулируя выполнение указания Председателя Верховного Суда РФ тщательно исследовать доводы защиты о повторном осуждении за одно и то же деяние, президиум Мосгорсуда предпринял ряд уловок. О части из них уже сказано выше: он **фальсифицировал позицию защиты и далее оппонировал тому, что сам и фальсифицировал, умолчав о самых существенных доводах защиты. Осуществляя эту уловку, президиум ввёл в повестку дискуссии вопрос о налогах с физических лиц, который защитой в рамках данной темы вообще никогда не ставился, и этим запутал всё окончательно.** Во-вторых, он, вслед за предшествующими судебными инстанциями, предельно примитивизировал, и тем самым извратил, правовую сторону вопроса¹⁴³. Не забыт в **обжалуемом постановлении** и ставший уже традиционным в данном деле пассаж о «конституционной обязанности» уплачивать налоги с похищенного¹⁴⁴. И далее, видимо, пытаясь придать всей этой профанации и фальсификации видимость объективной и профессиональной оценки, президиум Мосгорсуда исключил из обвинения в легализации суммы, которые якобы подлежали уплате в качестве налогов, но не были уплачены в результате уклонения. При этом осталось неясным, почему именно так исчислены эти суммы, и почему они разные у каждого из осуждённых, если речь идёт об одних и тех же действиях по уклонению от уплаты налогов с одних и тех же организаций. Обе исключенные из обвинения в легализации суммы не имеют ничего общего с суммой уклонения от уплаты налогов с организаций, которая признана установленной приговором Мещанского районного суда. Не имеют они отношения и к сумме вымышленной «легализации», признанной **обжалуемым приговором**. Наконец, обращает на себя внимание разъяснение в стиле З.Фрейда о

¹⁴² Подробнее см. раздел 3 настоящей жалобы

¹⁴³ Подробнее см. раздел 4 настоящей жалобы

¹⁴⁴ С. 19 **обжалуемого постановления**

том, что исключение указанных сумм «...продиктовано исключительно требованиями закона, запрещающего преследование за легализацию имущества, полученного в результате совершения налогового преступления, и расцениваться как признание факта повторного (или двойного) осуждения за одно и то же противоправное деяние не может».¹⁴⁵ Взаимоисключающие утверждения президиума одновременно о совпадении¹⁴⁶ и несовпадении¹⁴⁷ одного и того же периода совершения анализируемых действий, разделённые лишь тремя страницами **обжалуемого постановления, на фоне столь глобальных умозаключений меркнут как незначащие.**

Вторым прямым указанием **Председателя Верховного Суда РФ президиуму Мосгорсуда является указание о принятии в ходе рассмотрения надзорных жалоб обоснованного решения о снижении сроков наказания Ходорковскому и Лебедеву в связи с изменениями уголовного закона, улучшающими положение осуждённых и имеющими в силу требований ст. 10 УК РФ обратную силу.** В судебном заседании президиума Мосгорсуда защитой было представлено (в устной и письменной формах) обоснование обязательности надлежащего, с соблюдением принципа соразмерности, применения в отношении М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева положений ФЗ-420 от 07.12.2011, а также устранения нарушения, допущенного судом кассационной инстанции при снижении наказания с применением ФЗ-26 от 07.03.2011. Защита, в частности, указала на следующее.

Отвечая на вопросы, поступившие из судов, по применению ФЗ от 07.03.2011 №26-ФЗ и от 07.12.2011 №420-ФЗ (ответы утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012, опубликованы в БВС РФ №11-2012), Верховный Суд РФ подчеркнул: «...**Вопрос 1. ...Если новый уголовный закон смягчает наказание, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом (ч. 2 ст. 10 УК РФ). Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 20.04.2006 N 4-П, содержащееся в ч. 2 ст. 10 УК РФ предписание о смягчении назначенного по приговору суда наказания в границах, предусмотренных новым уголовным законом, предполагает применение общих начал назначения наказания, согласно которым в такого рода случаях смягчение наказания будет осуществляться в пределах, определяемых всей совокупностью норм Уголовного кодекса РФ - как Особенной, так и Общей его частей. В противном случае, т.е. при истолковании ч. 2 ст. 10 УК РФ как предполагающей использование при решении вопроса о наказании лишь одного правила - о снижении назначенного наказания до верхнего предела санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ в редакции нового закона, лица, уже отбывающие наказание, были бы поставлены в неравное положение с теми лицами, в отношении которых приговор вынесен после вступления нового уголовного закона в силу и решение вопроса о наказании осуществляется с учетом как верхнего, так и нижнего пределов санкции соответствующей статьи, а также указанных в Общей части Уголовного кодекса РФ обстоятельств. При назначении наказания по более мягкому закону суд должен также учитывать, что законодатель в санкциях по-новому определил характер общественной опасности соответствующих преступлений - как менее опасный. Таким образом, в случае исключения нижнего предела некоторых видов наказаний, которые назначались лицу, суд должен квалифицировать преступление по новому уголовному закону и на основе общих начал назначения наказания назначить наказание в меньшем размере».**

¹⁴⁵ Там же

¹⁴⁶ Там же

¹⁴⁷ С. 16 **обжалуемого постановления**

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ в указанном выше Постановлении прямо указывает на **принцип соразмерности** при применении нового уголовного закона, смягчающего или устранившего ответственность (п.2.1), подчеркивает императивность этого и других принципов (п.3) и, в частности, обращает внимание на то, что их несоблюдение будет означать недопустимое ухудшение положения осуждённого (п.3.1.).

Согласно толковым словарям русского языка под редакцией Ефремовой и Ожегова, «соразмерный» означает: соответствующий какой-либо мере, обладающий правильным соотношением размеров, частей, пропорциональный. Применимыми синонимами слова «соразмерность», согласно словарю синонимов, являются: соизмеримость, пропорциональность, сообразность, адекватность, пропорция, созвучность, симметрия, согласие, соответствие.

С учётом приведённых правовых и методологических позиций полагаем, что снижение срока наказания нашим подзащитным должно быть произведено судом надзорной инстанции следующим образом.

По ст. 160 УК РФ.

Обжалуемым приговором осуждённые приговорены к 8 годам лишения свободы по ч. 3 ст. 160 в ред. 1996 г., санкция которой предусматривала от 5 до 10 лет лишения свободы. Среднее значение санкции составляло 7 лет 6 мес. (7.5 лет). **Превышение срока назначенного судом наказания над средним значением санкции составило 1.067 (8:7.5)**. Кассационная инстанция, в соответствии с требованиями ст. 10 УК об обратной силе закона, улучшающего положение осуждённых, применила ч. 4 ст. 160 в редакции ФЗ-26 от 07.03.2011, но не обеспечила соблюдение требования соразмерности, снизив наказание лишь на 6 месяцев. По этому закону исключен нижний предел санкции, и она теперь составляет от 2 месяцев (минимальный срок лишения свободы – ч. 2 ст. 56 УК) до 10 лет. Среднее значение размера санкции ст. 160 УК РФ в редакции ФЗ-26 от 07.03.2011 составляет 5 лет 1 месяц (5,08 лет). Других изменений в санкцию ст. 160 УК РФ до настоящего времени не вносилось. **Для обеспечения соразмерности снижения наказания необходимо применить ту же пропорцию (соотношение назначенного осуждённым наказания и среднего наказания в пределах санкции),** для чего применить тот же повышающий коэффициент 1.067, который был применён в приговоре. **Получаем (5.08x1.067) 5.42 лет (5 лет 5 месяцев).**

По ст. 174.1 УК РФ.

Обжалуемым приговором осуждённые приговорены к 9 годам лишения свободы по ч. 3 ст. 174.1 в редакции ФЗ от 07.04.2010, санкция которого предусматривала от 7 до 10 лет лишения свободы. Среднее значение санкции составляло 8 лет 6 мес. (8.5 лет). **Превышение срока наказания по приговору над средним значением санкции составило 1.059 (9:8.5)**. Кассационная инстанция и в данном случае применила ч. 3 ст. 174.1 УК РФ в редакции ФЗ-26 от 07.03.2011, поскольку он улучшает положение осуждённых, но не обеспечила соблюдение требования соразмерности, снизив наказание лишь на 6 месяцев. Этим законом был исключен нижний предел санкции, и она составила от 2 месяцев (минимальный срок лишения свободы - ч. 2 ст. 56 УК) до 10 лет лишения свободы. В соответствии с ФЗ-420 от 07.12.2011 верхний предел санкции

снижен до 7 лет, и в настоящее время подлежит применению именно эта редакция закона, как улучшающая положение осуждённых по сравнению с обеими ранее применёнными редакциями. Среднее значение размера санкции по нему составляет 3 года 7 мес. (3.58 лет). **Для обеспечения соразмерности снижения наказания необходимо применить ту же пропорцию (соотношение назначенного осуждённым наказания и среднего в пределах санкции), т.е. применить тот же повышающий коэффициент 1.059, который был применён в приговоре. Получаем (3.58x1.059) 3.8 лет (3 года 10 месяцев).**

Сложение наказаний по правилам ч.ч. 3 и 5 ст. 69 УК.

При постановлении **обжалуемого приговора** полная арифметическая сумма сроков назначенного наказания составила (9+8) 17 лет. Судом было применено частичное сложение и определено к отбытию 13.5 лет (13 лет 6 месяцев), что составило (13.5:17x100) 79.4% от полной арифметической суммы сроков, или 90% от предельно возможного в силу требований ч. 3 ст. 69 пятнадцатилетнего срока (13.5:15). Полная арифметическая сумма сниженных сроков наказаний составляет (5 лет 5 месяцев + 3 года 10 месяцев) 9 лет 3 месяца (9.25 лет). **Для обеспечения соразмерности необходимо применение тех же пропорций частичного сложения и к сниженному сроку. Оно даёт следующие результаты: от полной арифметической суммы сниженных сроков (9.25x79.4%), получаем 7.35 лет (7 лет 4 месяца 1 день); от предельно возможного пятнадцатилетнего срока (9.25x90%) – 8, 325 лет (8 лет 4 месяца).**

Далее, для исчисления сниженного срока, окончательно определяемого к отбытию, необходимо по правилам ч. 5 ст. 69 УК решить вопрос о размере присоединяемого неотбытого срока по приговору Мещанского суда от 31.05.2005. В **обжалуемом приговоре** этот срок составил 6 месяцев, **обжалуемым постановлением** он сокращён до 4 месяцев, что не соответствует требованиям соразмерности, а в случае с П.Л.Лебедевым - и вовсе невозможно, даже арифметически, о чём сказано ниже. Однако, даже при таком подходе **окончательный сниженный срок, подлежащий отбытию по приговору Хамовнического суда, должен составить в первом случае 7 лет 6 месяцев 1 день, во втором – 8 лет 6 месяцев. При любом из этих вариантов срок наказания М.Б.Ходорковским и П.Л.Лебедевым отбыт с превышением. Следовательно, единственным решением, соответствующим требованиям законности, справедливости и соразмерности при применении требований ст. 10 УК РФ по настоящему делу, является снижение срока наказания до фактически отбытого ими с немедленным освобождением.**

Однако президиум, не дав никакой оценки доводам защиты и не приведя никаких собственных обоснований, снизил срок наказания обоим осуждённым лишь до 11 лет, чем безусловно и существенно ухудшил их положение, имея в виду изменившийся уголовный закон и приведенные выше обязательные требования по его применению. Инициативное снижение на 2 месяца присоединённого неотбытого срока по приговору Мещанского суда ничего не меняет в этой оценке. Более того, при применении принципа соразмерности по вышеприведённой методике срок наказания по приговору Мещанского районного суда подлежал снижению не до 7 лет 6 месяцев, а до 5 лет. Мало того, срок 7 лет 6 месяцев П.Л.Лебедевым был уже отбыт (не считая 6 дней) к моменту провозглашения приговора Хамовнического районного суда, и, следовательно, никаких «неотбытых» четырёх месяцев в его случае попросту не было.

При таких обстоятельствах президиум Московского городского суда своих обязанностей по надлежащему пересмотру в порядке надзора **обжалуемых судебных решений** явно не выполнил, как не выполнил и адресованные ему указания председателя Верховного Суда РФ, а лишь попытался создать видимость их исполнения. **Обжалуемое постановление является**

незаконным, необоснованным, неправосудным и также подлежит безусловной отмене вышестоящей судебной инстанцией.

На основании изложенного, в соответствии со ст. 402, п. 2 ст. 403, п. 2 ч. 3 ст. 406, п. 2 ч. 1 ст. 408, ст. 409, п.п. 1, 2, 3, 4 ч. 1 ст. 379 УПК РФ (в редакции ФЗ-323 от 29.11.2010), ст. 401.2, п. 2 ч. 2 ст. 401.3, ст. 401.11, п. 2 ч. 1 ст. 401.14 УПК РФ (в редакции ФЗ-433 от 29.12.2010)

просим:

1. Передать настоящую жалобу на рассмотрение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.
2. Приговор Хамовнического районного суда гор. Москвы от 27 декабря 2010г., определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24 мая 2011г., постановление президиума Московского городского суда от 20 декабря 2012г. **отменить**. Производство по делу **прекратить** на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях М.Б.Ходорковского и П.Л.Лебедева состава преступления, **немедленно освободить их**.

Приложения:

- 1) Ордера адвокатов Ключванта В.В., Краснова В.Н. и Мирошниченко А.Е.;
- 2) Заверенная копия приговора Хамовнического районного суда г.Москвы от 27.12.2010 на 689 страницах;
- 3) Заверенная копия кассационного определения Судебной коллегии Московского городского суда от 24.05.2011 на 70 листах;
- 4) Заверенная копия постановления президиума Московского городского суда от 20.12.2012 на 23 листах;
- 5) Копия постановления Хамовнического районного суда г.Москвы о прекращении уголовного дела в части от 27.12.2010 на 190 листах;
- 6) Копия постановления Председателя Верховного Суда РФ от 24.07.2012 на 08 листах;
- 7) Копия кассационной жалобы от 31.12.2010 на 09 страницах;
- 8) Копия кассационной жалобы от 11.01.2011 на 08 страницах;
- 9) Текст кассационной жалобы от 21.01.2011 на 09 страницах;
- 10) Копия кассационной жалобы от 29.04.2012 на 64 страницах;
- 11) Текст кассационной жалобы от 05.05.2011 на 28 страницах;
- 12) Копия надзорной жалобы от 13.07.2011 на 06 листах;
- 13) Текст надзорной жалобы от 21.07.2011 на 06 листах;
- 14) Копия надзорной жалобы от 28.11.2011 на 04 листах;
- 15) Копия надзорной жалобы от 09.12.2011 на 04 листах;
- 16) Копия надзорной жалобы от 24.02.2012 на 41 листе;
- 17) Текст надзорной жалобы от 13.06.2012 на 3 листах;
- 18) Копия надзорной жалобы от 14.06.2012 на 08 листах;
- 19) CD-диск с текстом доклада Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и прав человека;
- 20) CD-диск с текстом отчёта Института прав человека Международной ассоциации юристов.

Защитники – адвокаты

В защиту М.Б. Ходорковского:

В.В.Клювгант

В защиту П.Л.Лебедева:

В.Н.Краснов

А.Е.Мирошниченко